

А. И. ГЕРЦЕН

НОВОНАЙДЕННЫЕ СТАТЬИ И ПИСЬМА

Несмотря на обилие материала, содержащегося в собрании сочинений А. И. Герцена, редактированном М. К. Лемке, и значительную дополнительную публикацию, произведенную Н. М. Мендельсоном в 1927 г. в сборнике «А. И. Герцен. Новые материалы», литературное наследие автора «Былого и дум» все еще конечно не может считаться исчерпывающе известным.

Можно составить довольно обширный список таких западноевропейских периодических изданий 50—60-х годов, в которых то или иное сотрудничество Герцена (хотя бы в форме писем в редакцию) является вероятным, а порою и прямо установленным; из этих изданий обследованы только очень немногие. Огромное эпистолярное наследство Герцена (уже и сейчас опубликованные письма превышают своим размером 150 авторских листов) еще далеко полностью не собрано, в частности можно указать целый ряд западноевропейских демократов, с которыми Герцен состоял в переписке, но письма к которым до нас в большинстве своем не дошли.

Настоящая публикация и идет по указанным двум линиям: мы даем 1) статьи Герцена из газеты немецкой демократической эмиграции в Лондоне «Der Kosmos» (1851 г.) и журнала Мадзини «Pensiero ed Azione» (1858 г.) и 2) отрывки из писем к Гервегу 1848—1850 гг., т. е. в период до семейной трагедии в семье Герцена и возникновения непримиримой вражды Герцена и Гервега, чрезвычайно содержательную полемическую переписку М. Гесса и А. Герцена 1849—1850 гг. и наконец одно письмо Герцена к Гарибальди 1861 г.

Несмотря на то, что эти материалы не представляют собою чего-либо цельного и, по своему внутреннему содержанию, являются по большей части вариациями других высказываний Герцена, мы считаем целесообразным их публиковать в «Литературном Наследстве». Для понимания такого большого, глубокого и сложного мыслителя, каким был Герцен, облекавший свою мысль в блестящую и оригинальную, а часто и прихотливую и импрессионистическую форму, существенное значение имеют и варианты, изгибы и оттенки его мыслей и образов.

Редакция

I

СТАТЬЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «DER KOSMOS»: «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПРОШЛОМ ГОДЕ ОДНОГО РУССКОГО»

Факт сотрудничества Герцена в газете «Der Kosmos» был известен: Герцен упоминает об этом в письме «к друзьям» от 19 июня 1851 г. Эту газету уже искал Н. М. Мендельсон («А. И. Герцен. Новые материалы», стр. 74—75), но не мог найти ее в библиотеках Москвы, Ленинграда и Лондона. Точное название этой газеты: «Der Kosmos. Deutsche Zeitung aus London. Herausgegeben von Ernst Hang»; № 1 от 17 мая 1851 г.; № 2 от 14 июня 1851 г. В этих номерах напечатаны статьи Руге, Шнауфера, отчет о лекциях Кинкеля, письмо Виланга и др. А. Руге в одной из своих корреспонденций из Лондона в «Bremen Tagas-Chronik» (номер от 22 апреля 1851 г.) сотрудниками газеты называет Кинкеля, Ронге, Опенгейма и Таузенау, т. е. почти весь состав руководителей немецкой секции так называемого Центрального комитета европейской демократии (Мадзини, Руге, Ледрю-Роллен и др.); из подписей.

стоящих под воззваниемми этой немецкой секции в «Космосе», нет только имени Г. Струве. Два первых номера ее (выходила ли она и дальше — установить не удалось) нашлись в делах архива берлинского полицей-президиума, и в них действительно оказалась напечатанной одна статья Герцена. Эта статья является ни чем иным, как первоначальной редакцией начала шестого письма из серии «Опять в Париже», «Писем из Франции и Италии» (см. изд. Союзгиза под ред. Л. Б. Каменева, М.—Л., 1931, стр. 209). Так как это письмо впервые было опубликовано лишь в издании 1854 г., а рукопись его не сохранилась, то статья из «Космоса», относящаяся к 1851 г., дает представление вообще о тех изменениях, которые Герцен вносил в текст неопубликованных в период их написания «Писем из Франции и Италии». Наиболее существенны два варианта. В издании 1854 г. в третьем абзаце после слов «я отошел в сторону от непогоды и долгого ненастья» дальнейшие слова до окончания абзаца выпущены и заменены словами «не видя средств остановить его». Это примечание ясно показывает, насколько более пессимистично оценивал свою роль Герцен в момент написания статьи, чем тремя годами позже (в 1851 г. он сознавался, что не только не мог «остановить» непогоды, но и не мог «выдержать» ее), насколько глубже был тогда его индивидуализм и сильнее надежда на «внутреннюю деятельность».

В первой строке последнего абзаца редакции 1854 г. говорится уже не о французах вообще, а о «французских консерваторах», и здесь также сказалось таким образом постепенное смягчение пессимизма Герцена.

Статья из «Космоса» дается в обратном переводе из «Космоса», напечатанный в котором немецкий текст был несомненно авторизован Герценом. Переводчик в своей работе конечно опирался на известный русский текст этого письма, но не следовал ему слепо, а стремился сохранить все оттенки мысли, имевшиеся в немецком тексте.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПРОШЛОМ ГОДЕ ОДНОГО РУССКОГО

Наконец я опять в Ницце, — в Ницце теплой, благоуханной, тихой и теперь совершенно пустой. Два года с половиною тому назад я едва обращал внимание на этот городок; тогда я еще искал людей, большие центры движения, деятельности; многое было мне ново, многое занимало. Полный негодования, я еще примирялся; полный сомнений, я находил еще надежды в моей груди и торопился оставить эти места, едва бросив рассеянный взгляд на красивые окрестности. Торжественный гул итальянского пробуждения пробежал тогда по всему полуострову — я рвался в Рим.

Это было в конце 1847 г., и теперь я, прихожу в Ниццу, подобно голубю-путешественнику, с потупленной головой и прошу лишь покоя в ее безмятежной пустоте; я удаляюсь от трескущей деятельности больших городов, так же ни к чему не ведущей на Западе, как и бесечная праздность на Востоке. Долго думая, куда укрыться, где найти отдых, я избрал Ниццу не только за ее кроткий воздух, за ее море, но за то, что она не имеет никакого значения, ни политического, ни ученого. В Ниццу мне менее не хотелось ехать, чем в какое-либо другое место, и я доволен ею. Это — мирная обитель, в которую я отхожу от мира сего, пока мы не нужны друг другу. Счастливый ему путь! Он довольно меня мучил, я не сержусь на него, он не виноват, но я не имею больше ни сил, ни охоты делить его свирепые игры, его пошлый отдых.

Не извращайте, прошу вас, смысла моих слов; это не значит, что я совсем посхемился, дал обет, заклать: я вышел из того возраста, да и род человеческий вышел из него, когда такие шутки были в ходу, — я не считаю себя в праве кабалить мое будущее, я смотрю на это гораздо проще, я отошел в сторону от непогоды и долгого ненастья, так как у меня не хватило сил выдержать их, — существует еще внутренняя деятельность, которую буря не затрагивает.

И воистину, не было недостатка в причинах для удаления в пустыню даже без распоряжения господ Бароша и Карлье¹. Когда я только подумаю, что за жизнь влачил я в последнее время в Париже, мною овладевает тоскливое беспокойство и страх. Я вспоминаю об этом, как о недавней хирургической операции, и мне кажется, что я снова чувствую приближение кривых ножниц и зонда. С утра до ночи все стороны души были оскорбляемы грубо, нагло, дерзко. Один взгляд на журналы и прения в собрании травлял целый день.

Нет, это не роялизм и не консерватизм довел этих людей до такого растления всякого нравственного чувства, всякого человеческого достоинства; совсем напротив, эти люди довели роялизм и консерватизм до такого бесстыдного цинизма. Роялизм — своего рода общественная религия, он не исключает ни доблести, ни благородства; его вина — в его ограниченности и несвоевременности; консерватизм — теория, ложный образ мыслей, но далеко не лишенный чувства стыда и чести. Ни Страффорд, ни Малерб² нисколько не были похожи на эти постыдные орудия насилия, позиция которых до того постыдна, что их нельзя оскорбить не только словами, но и рукой, и которые так перемешались с депутатами, писателями и журналистами партии порядка, что никогда не знаешь, имеешь ли дело действительно с человеком или со шпионом.

Большинство камеры и орлеанские журналы — верные органы не роялизма, а того поколения французов, которое, родившись при империи, вполне расцвело под зонтиком короля-гражданина. Франция находится во власти того поколения, которое не верит ни в христианство, ни в королевскую власть, но которое знает опасность свободы, но которое хочет наслаждаться, — хоть несколько лет еще, — для которого все средства хороши, так как в нем не осталось никакого морального чувства. И вот отчего журналисты возносят шпионство, представляя тайных полицейских агентов ангелами, охраняющими порядок и общество. И вот отчего у одного шпиона хватило духу сказать в свою защиту, что он ходил на «революционеров», как на охоту, в то время как другой предложил взяться за вилы и серпы и избивать социалистов по домам и полям, — и один из них получил похвалу «Journal des Débats», другой — «Constitutionnel». И отсюда получается, что в «Assemblée Nationale»³ находишь циничные статьи, восхваляющие царя Николая, которого эта статья называет «Агамемноном» и страстно зовет его идти на Европу; насмехается над казнями, высоко ставит неаполитанского Бурбона и защищает инквизицию. С болезненной горячностью эти люди напрашиваются на самый грубый деспотизм, лишь бы власть задушила в народе все человеческие голоса и обеспечила неприкосновенность стяжания. Они из-за этого протянули руку полиции всех стран и отдали детей своих на воспитание иезуитам; они сделали еще больше: они дошли до того героизма подлости, которая хвастает полосами на спине так, как их сестры хвастаются своим развратом.

Бывает бремя, хвалить которое хуже, безнравственнее, чем краснеть делить его. «Patrie», «Assemblée Nationale» и их сотоварищи подобны политической Юстине⁴; они все обладают цинизмом, хищностью, алчностью и лицепрятанием каторги и галер.

Присмотритесь к депутатам. Образованность не обязывает французов ни к чему; с этой стороны они совершенно свободны. При всех своих риторических, уттивно-стереотипных формах, они свирепы, безжалостны и деспотичны. Вы знаете, что они совершили в Италии, в Испании, но все это ничто перед тем, каковы они у себя дома, в междоусобии. Тут они делают кровавыми зверями, мясниками Варфоломеевской ночи и сентябрьских дней; здесь они проявляют себя в массе, как Фоше⁵ и Кавеньяк⁶, отец и сын, убивают в домах и на улицах.

Искандер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барош, Пьер-Жюль (1802—1870) — в 1849—1850 гг. сначала прокурор апелляционного суда в Париже, с марта 1850 г. — министр внутренних дел; Карлье, Пьер-Жозеф (1799—1858) — с декабря 1848 по ноябрь 1850 г. префект полиции Парижа. В 1849—1850 гг. эти два лица были главными руководителями полицейского похода против демократов, высылки иностранцев и т. д.

² В немецком тексте стоит «Stafford und Malherbes». Это конечно опечатки, в русском тексте (Сочинения, т. VI, стр. 109) частично исправленные. Речь идет о Томасе-Чарльзе Страффорде, английском государственном деятеле эпохи, предшествовавшей английской революции XVII в. (казнен 12 мая 1641 г.), и Кретьене-Гильоме Мальзербе — министре Людовика XVI и затем его защитнике перед лицом Конвента (1721—1794). Оба они вели себя с большим мужеством в эпоху революционного террора.

³ Парижские газеты правого лагеря: «Journal des Débats» — орган консерваторов; «Constitutionnel» — орган умеренных либералов, в 1848—1850 гг. конкурировавший с реакционерами в требованиях суровых мер против левых; «Assemblée Nationale» — орган орлеанистов, воинствующая реакционность которых была особенно сильно окрашена в тона угодничества перед Николаем I.

⁴ В первые века нашей эры, когда в Риме начинала прививаться пришедшая с Востока так называемая религиозная проституция при храмах, видную роль в деле распространения этого обычая среди представительниц высших слоев тогдашнего общества сыграла некая Юстина, дочь одного высокопоставленного патриция; ее имя упоминается в современных источниках. Повидимому именно ее имеет в данном месте в виду Герцен: имя ее, правда, не вошло в качестве нарицательного в позднейшую литературу, хотя сообщения о ней повидимому оказали известное влияние на тот факт, что авторы эпохи Возрождения с особенным предпочтением давали выводимым ими женщинам легкого поведения имя Юстины (см. например роман And. Regéz, La Pisara Justina, 1610). Но Герцен настолько интересовался историей упадка античной цивилизации и так охотно извлекал из нее материал для параллелей с современным ему миром, что предположение о том, что и в данном случае он имел в виду именно эту Юстину первого века нашей эры, больше чем правдоподобно.

⁵ Фоше, Леон (1803—1854) — политический деятель и публицист, умеренный либерал до 1848 г., в период революции выдвигавший ожесточенностью своей борьбы против Национальных мастерских и всех мер охраны труда рабочих вообще; в первые месяцы президентства Наполеона III — министр внутренних дел.

⁶ Каверьяк, Жан-Батист (1762—1829) — член Конвента, принадлежал к партии Горы; комиссар Конвента, после 9 термидора был обвинен, как и все комиссары Конвента, в разных зверствах. О его сыне, Луи-Эжене, см. выше, примечание 8 к письмам Герцена к Гервегу.

II

СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА ИЗ ЖУРНАЛА
«PENSIERO ED AZIONE»: «ЦАРЬ АЛЕКСАНДР II»

Эта статья была написана Герценом для журнала Мадзини «Pensiero ed Azione»¹ и была напечатана в номере этого журнала от 15 сентября 1858 г. (стр. 21—22). О факте ее существования имелись упоминания в герценовской литературе. Нет никакого сомнения, что именно о ней идет речь в письме Герцена к М. Мейзенбуг от 19 сентября 1858 г., где он сообщал, что «на случай, если вы не читали моей статьи в газете Мадзини, я вам ее посылаю». О работе Герцена в этой газете вообще говорит в своих воспоминаниях Саффи. Эти упоминания были известны М. К. Лемке, но ему найти газету не удалось. Ее нашел (в Британском музее) С. И. Р., который в своей статье о письмах Мадзини к Ашертам («Воля России», Прага, 1923 г., № 6) и дал перечень напечатанных в этой газете статей Герцена. Из этих статей одна — ответ графу Гуровскому — напечатана также в качестве приложения к «Колоколу» и вошла в собрание сочинений Герцена². Вторая статья (до сих пор нигде и никогда из «Pensiero ed Azione» перепечатана не была.

Она представляет значительный интерес для знакомства с политической позицией Герцена в период первых лет существования «Колокола». Известно, что восторженные выступления Герцена, приветствовавшего первые шаги Александра II на пути отмены крепостного права, натолкнулись на настороженное и недоверчивое отношение некоторых кругов интернациональной эмиграции. Особенно ясно это отношение было высказано эмиграцией польской, — М. К. Лемке приводит примеры этого рода откликов. По-русски на эти обвинения Герцен ответил только мельком, — в статье «Нас

обвиняют». Ответа по существу он в ней не давал. Смешав в одну кучу критику, шедшую из правых кругов, с критическими замечаниями, бросаемыми левыми, Герцен ограничивается в ней одними общими фразами. Он признает, что «шаткость в правительстве отразилась в наших статьях», но кончает тем, что почти ставит эти свои колебания себе в заслугу. «Доктринеры счастливы, — пишет он, — они не увлекаются... и не увлекают других». Однако перед аудиторией западноевропейской демократии, как мы узнаем из предлагаемой вниманию читателя статьи, он счел себя вынужденным объяснить более обстоятельно. С мнением этой аудитории он весьма и весьма считался, он им дорожил, и трибуной для своего объяснения выбрал орган Мадзини, одного из наиболее ему импонировавших вождей этой демократии Запада. Это объяснение Герцена в высшей степени интересно. Говорить ему приходилось перед аудиторией, хорошо помнившей максимализм его произведений начала 50-х годов, жестокость его критики всякой половинчатости, всяких компромиссов. Теперь эта аудитория узнала, что, когда являлись проблески надежды на возможность менее чем половинчатых реформ в России, недавний максималист в отношении Запада выявил себя склонным к весьма далеко идущим компромиссам с властью в России. Говоря перед этой аудиторией, Герцен должен был практическую политику «Колокола» в медовые месяцы надежд на Александра II объяснить с точки зрения той идеологии, которую знал европейский читатель.

Насколько убедительным вышло это объяснение, вопрос иной, но то, что оно обладает для нас интересом, — совершенно ясно. Интересно также, что дать подобное объяснение русскому читателю Герцен не счел нужным: в «Колоколе» об этой статье не было даже упомянуто, хотя в этот период Герцен обычно перепечатывал в нем свои выступления в западноевропейской прессе.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР II

(ИЗ ЖУРНАЛА «КОЛОКОЛ»)

Со времени последней войны к России, правда, относятся с большим интересом, но, тем не менее, Россия остается еще изолированной в своей отдаленности, как огромное и темное здание, контуры которого неясно выступают во мраке зимней ночи.

Что же представляет собою это здание? Тюрьму, крепость, фаланстер? Трудно русскому ответить на этот вопрос, ибо здание это еще не закончено и может быть использовано для самых различных предназначений. Это «царство фасадов»³ представляет пока одни только контуры, в рамках которого обозначились голые стены, остов, углы, определение мест для каменных работ. Процесс этой своеобразной организации обрывается внезапно в период царствования Николая. Его смерть и война нанесли страшный удар московскому Левиафану, отразившийся на крестьянстве и на царе, на литературе и на армии.

Александр II предстал с целым рядом реформаторских попыток и с проектом освобождения крестьян. Но до сих пор еще ничего не сделано, и мы с беспокойством и горечью присматриваемся, спрашивая себя, сдвинется ли с места северный Левиафан, повернет ли он направо или налево.

Александр II, хотя и царь, но вполне является человеком нашего века, человеком программы, предисловия, и совершенно напоминает тех революционеров весьма недавнего прошлого, которые довольствовались громкими словами, речами и банкетами и блаженно представляли себе, что из этого немедленно воспоследует братство народов.

Сын самого прозаического человека своего века, Александр — мечтатель, сам хорошо не знающий, чего он хочет. Воспитанный поэтом-романтиком, он обнаруживает стремления, смутные желания что-либо сделать, но он совершенно лишен характера и часто плачет, что уж абсолютно не годится на занимаемом им посту. Его программы великолепны, но осуществление

Н. П. ОГАРЕВ И А. И. ГЕРЦЕН
Фотография конца 1850-х гг., Лондон
Институт Русской Литературы, Ленинград

их ничтожно и искалечено. Отсюда вечные промахи, вяляние, отсутствие откровенности и целостности.

Александр II, несмотря на самые лучшие намерения с его стороны, не свершит ничего, т. е. ничего положительного. Но одно останется, а именно то, что он встряхнул всю государственную машину и выдвинул вопросы, которые волнуют все слои общества, от высшей аристократии до мужицких хат.

Возьмем для примера два наиболее значительных факта: освобождение крестьян и внешнюю политику. Мы не найдем ничего достойного быть отмеченным, если не считать вечную нерешительность и постоянные ошибки.

Вот уже десять месяцев, как Александр II высказался за освобождение крестьян, десять месяцев он говорил об этом в своих указах и заставлял министра внутренних дел высказываться в своих циркулярах в пользу передачи крестьянам пользования землей и возможности выкупа ими домов и усадеб*, правда, все это в неясных выражениях, но все же позволяющих угадывать мысль правительства. Результатом этого явилось то, что одна губерния за другой, несмотря на то, что сначала они сильно противились всякому делу освобождения, запросили разрешение основать комитеты освобождения. В знак благодарности за это, со стороны правительства, слово усадьба начинает встречаться все реже и превращается постепенно в дыбу, в курятник и бог знает во что еще. Министр же внутренних дел начинает подменять в своих распоряжениях выражение «освобождение крестьян» выражением «улучшение их положения».

Главный комитет под председательством вице-президента кн. Орлова (бывшего шефа тайной полиции при Николае), которому поручено разработать проект освобождения или улучшения положения крестьян, представляет такой абсурдный и чудовищный проект, что положение крестьян могло бы только ухудшиться, если бы этот нелепо-жестокое проект получил одобрение.

Дворянство, со своей стороны, не хочет уступать крестьянам обрабатываемую ими землю и обнаруживает пассивное сопротивление. Правительство уступает: оно либерально, в то время как оно должно было бы действовать решительно; в результате оно быстро доходит до полного крушения. Вопрос об освобождении крестьян превращается для него в «крымский мир». Если правительство не сумеет справиться с оппозицией дворянства, то оно потеряет свой гражданский престиж точно так, как потеряло свой престиж военный в результате последней войны.

В довершение полного смешения понятий имеется еще и партия либералов старой школы, которая вопит о социализме и коммунизме, лишь только заходит речь о земле. Они видят в этом нарушение священного права собственности.

И как хотите вы, чтобы император Александр II не пугался слова «социализм», если даже значительное количество революционеров из-за ложного страха не понимает значения этого слова?

Русское крестьянство, наоборот, слишком нище для того, чтобы бояться социализма, и вопрос об освобождении его интересует лишь постольку, поскольку оно ему принесет землю... Крестьянство получит землю, вы можете в этом не сомневаться. Мы советуем ему оставаться спокойным. До сих пор оно было прикреплено к земле. Теперь наступило время для пере-

* Обрабатываемая крестьянами земля состоит из усадьбы и пахотного поля. Усадьба состоит из двора, клочка земли и огорода. Правительство, оставляя ему собственность, признает за крестьянином некоторое право на землю. Что касается до усадеб, то предполагалось предоставить крестьянам возможность выкупа их, и это было условием освобождения. Но в последующих проектах эти частности обходятся молчанием и решение по этому вопросу предоставляется усмотрению помещика. (Примечание А. И. Герцена.)

мены ролей: земля должна быть прикреплена к нему и не давать повода к атаке со стороны его врагов. Александр, Орлов, Главный комитет, местные комитеты — все это пройдет. Но земля — однажды упущенная — долго еще будет ускользать из рук тех, кто ее обрабатывает.

А теперь перейдем к внешней политике.

Европа готовится к войне. Ложь франко-английского союза разоблачена. Соперничество и антагонизм этих двух стран делают конфликт неизбежным. Результатом этой решительной схватки может быть или возрождение, или агония Европы. В обоих этих случаях у России нет никаких интересов, которые побудили бы ее принять участие в этой внутренней борьбе: ни прошлого, которое было бы связано с этой борьбой, ни надежды на будущее, ни возможности наследства. Единственное наследство, на которое она имеет право, наследство научное, она уже усвоила, и это приобретение не может погибнуть.

Россия в гораздо большей степени обращена к Востоку, нежели к Западу. Активное вмешательство в европейские дела, желание участвовать в различных политических осложнениях является результатом преувеличенного самолюбия, своеобразной и ложно направленной дипломатией.

У России, если хотите, есть один естественный союзник, это — Соединенные Штаты Северной Америки.

Александр II, незадачливый в своей внешней политике, как и в своей политике внутренней, ищет союза с Францией. Но к чему это? Союз с Францией в высшей степени бесплоден. С нею вступают в союз только для ведения войны, т. е. для разрушения. Не говоря уже о том, что Россия совершенно не подготовлена к войне, тенденция в этом направлении совершенно вредна для нас как выявление наших симпатий к тем принципам, которые выдвигает Франция в своей борьбе с Англией. Бонапартистская Франция, это — императорский Рим, вооруженное рабство, всеобщее избирательное право, голосующее за деспотизм, демократия, превращающаяся в нивелирующий абсолютизм.

Все сомнения о значении будущей борьбы кажутся нам невозможны, так как сами события, обыкновенно сложные и запутанные, группируются в аллгорию с того момента, как сфинкс произносит слово загадки, с того момента, как в ответ на демонстрирование крепостей, пушек и бастионов отвечает электрический провод, соединяющий Америку с Англией.

Выбор между Англией и Францией является пробным камнем для морального сознания русского правительства.

Положение Александра II было блестящим, но он потерял его. Необходимо восстать против правительственных традиций Санкт-Петербурга, которые, как рок, тяготеют над каждым носителем императорской короны, — короны, прикрывшей столько преступлений и так мало раскаяния. У него были благие порывы, но у него нехватило мужества, и он отступил перед грандиозностью задачи, и теперь царедворцы, управляющие государственной колесницей, все более и более увлекают его по ложному пути.

Тогда мы ему громко закричали: подумай о нашем деле! — но шум колес так его оглушает, что он не слышит отдаленного звона нашего колеса.

Не будучи ни дилетантами восстаний, ни любителями революции для революции, мы верили, — и эта мысль утешала нас, — что Россия могла бы направить свои первые шаги к свободе и праву без насилия и без ружейных выстрелов. Правительство было довольно сильно, чтобы начать эту революцию сверху. Теперь оно этой силой не обладает. Александр, в своей слабости, допустил, чтобы все враги прогресса и свободы, враги в силу их положения, их невежественности, их жадности, как Орловы, Панины, Ростовцевы, могли поднять голову и пустить новые корни в развращенную почву старой России.

Где же найдет он силу, чтобы прорвать этот заколдованный круг? Куда мы идем? Вероятнее всего — по пути к страшной жакерии, к массовому восстанию крестьянства. Мы очень далеки от того, чтобы желать этого, и мы громко заявляем об этом. Но, с другой стороны, гораздо хуже, чем жакерия и рабство, то ужасное состояние неуверенности, в котором находится страна.

А. Герцен, издатель «Колокола».

Putney, 10 сентября

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Pensiero ed Azione» по-итальянски — «Мысль и дело».

² На самом деле статья в «Колоколе» напечатана не была.

³ «Империя фасадов» — выражение маркиза де Кюстина (1790—1857) в его известной книге «Россия в 1830 г.» («La Russie en 1830»).

III

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ ГЕРЦЕНА К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Говорить подробно о том, насколько важна переписка Герцена с Гервегом для биографии Герцена, конечно нет необходимости. С личностью Гервега связана не только тяжелая личная драма Герцена, наложившая глубокий след на всю его дальнейшую жизнь. Переписка эта важна также и для истории формирования мировоззрения Герцена, ибо Гервег был человеком, политически наиболее близким Герцену в момент, который едва ли не наиболее важен для истории этого формирования, — в эпоху разгрома революции 1848—1849 гг. Нотки презрения, звучащие у Герцена в «Былом и думах» в отзыве о Гервеге, не должны нас обманывать: они — результат позднейших переоценок. В 1848—1849 гг., до начала личного конфликта, у Герцена мы не найдем и следа их. В своих тогдашних письмах Герцен говорит о Гервеге совсем иным тоном, часто подчеркивая свое полное единомыслие с ним в общеполитических оценках и характеризую его как единственного человека среди западноевропейских революционеров, в котором «нет этой западной тупости, которую не пробьешь ни логикой, ни чувством, этой ограниченности падающих натур, кретинизма агонии» («А. И. Герцен» под ред. Н. М. Мендельсона, стр. 66).

В этих условиях знакомство с перепиской между Герценом и Гервегом — вернее перепиской Герценов с Гервегами — в ее полном объеме было бы крайне важно не только для знакомства с их личной драмой, но и для выяснения целого ряда вопросов истории идейного развития Герцена. Из этой переписки нам до настоящего времени известна только одна ее часть — сохранившиеся в архиве семьи Герценов письма Гервегов; они опубликованы М. К. Лемке в комментариях к «Былому и думах». Письма Герценов к Гервегам в литературе совершенно неизвестны, хотя оригиналы их не погибли: они сохраняются в семейном архиве Гервегов, нынешний владелец которого, Марсель Гервег, и поныне отказывается дать согласие на их публикацию, ссылаясь на волю своего отца, считавшего, что эта переписка не должна никогда увидеть света. Единственное, да что М. Гервег согласился, это на публикацию тех отрывков из писем А. И. Герцена, которые ни в какой мере не затрагивают их личных отношений. Выбор этих отрывков сделан В. Флерин, известным биографом Г. Гервега.

Эти отрывки очень немногочисленны, и едва ли можно сомневаться в том, что они не исчерпывают всего содержания писем А. И. Герцена даже в отношении одних его общественно-политических взглядов. О том, что писем Н. А. Герцен эта публикация совершенно не затрагивает, мы уже не говорим, а между тем ее писем в архиве Гервегов сохранилось, как нам известно, значительное количество. Идеинная близость в отношениях Герцена и Гервега в те годы настолько неразрывно сливались с их личными отношениями, что устранение всего, связанного с последними, не могло не оставить своего следа и на характере печатаемых здесь отрывков, которые в их теперешнем виде дают только отдельные черточки для понимания политических взглядов Герцена тех лет. Но и из этих черточек некоторые представляют значительный интерес.

Укажем хотя бы на отзыв Герцена о Прудоне в письме от начала апреля 1849 г. Чтобы понять этот отзыв, нужно вспомнить, что в этот период Прудон с головой ушел в дело организации Народного банка, — дело, кстати сказать, быстро потерпевшее полный крах. Свою газету «Le Peuple» он в это время заполнял длиннейшей серией скучных статей «Демонстрация теоретического и практического социализма, или революции при помощи кредита для руководства подписчикам и акционерам Народного банка» (номера от 9-го, 25—26 февраля и 1-го, 5-го, 12-го и 19 марта 1849 г.). Увлеченный этой работой Прудон с небывалой до сих пор ясностью выявлял антиреволюционные стороны своего мирозерцания; он в это время с особенной силой и настойчивостью поддерживает мысль о том, что «социализм никогда не хотел идти путем свержения и насилия» (номер от 7 апреля, статья «Le socialisme est-il un parti?»). В нем трудно узнать Прудона середины 1848 г., эпохи его наиболее блестящих выступлений в Национальном собрании в первые месяцы после разгрома июньского восстания в Париже. Нет никакого сомнения, что именно за эти антиреволюционные «уклоны» Герцен называет Прудона «если не князем Прудоновым, то, по крайней мере, бароном фон Пруденгофом», т. е. если не представителем определенной реакции (Россия была тогда ее наиболее ярким носителем, и русская переделка фамилии Прудона свидетельствует о том, что Герцену приходили на ум мысли о прямой реакционности этой проповеди Прудона), то «по крайней мере» умеренным либералом, своим доктринерством убивающим революционные порывы масс (именно так следует понимать переделку фамилии Прудона на немецкий лад: тогдашняя Германия давала наиболее характерные типы либералов-доктринеров. Почти несомненно, что и реплика Герцена «manie de scholastisme» («мания схоластики») Прудона направлена против указанных выше статей последнего).

В заключение настоящей заметки приводим очень любопытное письмо Георга Гервега к Мальвиде фон Мейзенбург в ответ на просьбу последней от имени детей Герцена о передаче им писем их родителей к Гервегам. Это письмо, насколько нам известно, ни по-немецки, ни по-русски опубликовано еще не было; так как оно представляет известный интерес не только для понимания мотивов поведения Гервега в вопросе о публикации писем, но — некоторыми своими указаниями — и для истории всего столкновения Герцена с Гервегом по существу, то мы даем здесь его полный перевод.

Уважаемая госпожа Мейзенбург!

Ни теперь, ни после, ни когда бы то ни было. К тому же я не имею чести знать вас лично, и знаю только, что в этом «деле», в которое, за исключением четырех лиц, — не совершая преступления, как моя жена в свое время выразилась, — никто не может быть посвящен и с нашей стороны посвящен не был, вы проявили рвение, достойное лучшего предмета. Что как раз вы, сударыня, которая годами занимаетесь тем, что в качестве добровольной русской распространяете поэзию без правды (как и откуда можете вы знать правду!) и теперь, для увенчания здания, желаете от героя романа выдачи писем героини романа взамен «соответствующего числа его писем», что уже вследствие неравенства их числа было бы невозможно, — это превосходит границы моего понимания.

У меня есть жена и дети, и мой долг по отношению к ним — не лишать их хорошего оружия против возможной будущей подлости, и эти письма и другие писания должны поэтому сохраняться из поколения в поколение.

Что детям Герцена, желание которых я не могу удовлетворить, нечего опасаться какого бы то ни было злоупотребления с моей стороны в будущем, тому порукой мое поведение, которого я держался в противовес самой вызывающей, гнуснейшей, бречащей деньгами грубости, не позволив себе увлечься, а также не позволяя себе увлечься могучими быть позднее сплетнями с вашей стороны во флорентийских салонах, чтобы сделать употребление из единой строчки умершей женщины и чтобы таким образом раз навсегда заткнуть глотку намертво банде.

Я этого не сделал, так как в этом случае я был бы повинен в том самом преступлении, в котором повинны те, для которых все средства хороши как оружие против

меня и к которым принадлежат также те иллюстрации, которые вы, сударыня, сделали к совершенно незнакомому вам тексту.

К тому же детям нет никакого дела до любовных писем их матери.

Мой друг Рихард Вагнер также принадлежит к числу тех, которым в этом «деле» так часто надоедают совершенно не имеющие к нему никакого отношения люди, что он вам в конце концов даст тот совет, который вы желаете, чтобы избавиться от дальнейшей навязчивости.

Сожалея о том, что я не могу сделать никакого употребления из только вами данного честного слова и разрешая вам рассказанные вами небылицы и далее распространять в «хорошем» обществе, остаюсь преданный вам

Георг Гервег.

В подлиннике это письмо написано по-немецки; даты на копии, сообщенной М. Гервегом, не стоит, но из содержания письма ясно, что оно относится к первым годам после смерти А. И. Герцена: из переписки Мейзенбург видно, что во Франции она проводила зимы в 1870—1872 гг. Ни в записках самой Мейзенбург, ни в той части ее обширной переписки, которая до сих пор опубликована, ни в ее биографии никаких упоминаний об этом ее обращении к Гервегу найти не удалось.

1

[Париж], 23 ноября 1848 г.

Гражданин, хотите ли видеть сегодня в 8 ч. предвыборное собрание в Salle de la Fraternité?¹ Сазонов² предлагает итти. Мы Вас ждем до 7³/₄ ч. Мы сможем потом проголосовать благодарность Бургонскому департаменту, прокричав:

Vive la montagne de Chambertin
Vive la Romanée sociale!
Vive le clos démocratique de Vougeot!³

Ответ ожидается категорический.

2

[Париж], 30 ноября 1848 г.

Единственный бог, который остается, это — рок. Я того мнения, что с ним следует бороться, и я вам предлагаю, дорогой Г., средство.

С некоторых пор рок мешает мне видеть вас: вчера, например, я уже совсем был готов пойти вас навестить, а вместо того пошел слушать речь Мерославского⁴. Чтобы расстроить это волшебство, я вам решительно предлагаю прийти сегодня с госпожой Г[ервег] пообедать с нами.

Лорд Сазонов, сраженный вчера в братоубийственной встрече с Делеклюзом⁵, расскажет нам подробности своей смерти.

3

[Париж], начало апреля 1849 г.

Дорогой Г., скажите, ради бога, Сазонову, что я не приду на свидание — мне нужно кое-чем позаняться, а они выбрали чорт знает какое время.

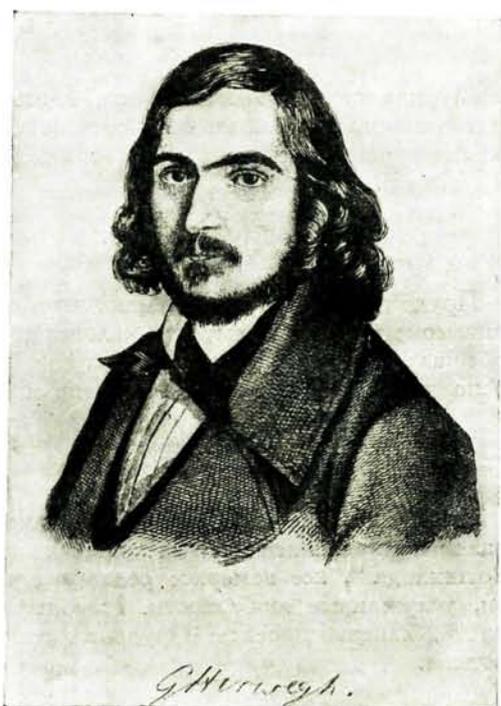
Прудон⁶ решительно становится если не князем Прудоновым, то, по крайней мере, бароном фон Пруденгоф. Что за мания схоластическая!

Я не писал статьи относительно «Северной Пчелы»⁷, но мне кажется, что достаточно будет сказать, что полуофициальный орган правительства, тот самый, который осыпал комплиментами «храброго и честного» генерала Кавеньяка⁸, который писал, что на его долю выпала честь остановить европейскую революцию, этот самый листок выражает сегодня свои дружеские чувства президенту⁹, которые не теплее тех дружеских чувств, какие питает президент по отношению к генералу Шангарнье¹⁰. Говорят о

ГЕОРГ ГЕРВЕГ

Фотография 1850-х гг.

Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

писаниях президента, перевели его историю, говорят о его вечерах в национальном Елисее, дают заметить, что только аристократы имеют честь там присутствовать. Очень тронуты поступком, полным деликатности, со стороны министерства, которое не послало дипломатическому корпусу приглашения на одиозное празднество 24 февраля¹¹. Рассказывают, что генерал Шангарнье плакал в этот день, говоря, что это — годовщина фатального дня, когда французская армия покрылась позором,¹² и т. д.

4

[Женева, июль 1849 г.]

Сазонов писал вам, дорогой Г., в 4 часа, приглашая вас прийти в Английское кафе пообедать с г. Фази¹³. Так вот, приходите по крайней мере после обеда. Мы вас ждем.

5

[Женева], 23 июля 1849 г.

Я хотел поговорить с вами о прекрасном плане либерального правительства, которое хочет применить совсем новый метод, чтобы сделать из Женевского озера Поле Свободы, и это без большой затраты федеральных денег. Со всех сторон сгоняют сюда эмигрантов, и когда они собираются здесь, на берегу, то из Цюриха кричат «назад!» и не позволяют здесь оставаться; другие державы имеют слабость тоже кричать «назад!», так что не остается никакого выбора: эмигранты должны либо уехать в варварскую Францию, либо же утопиться в озере...¹⁴

Струве¹⁵ не ест больше овощей; он находит, что нравственному человеку не подобает питаться явнобрачными растениями — он позволяет себе сейчас одни лишь папоротники; просто жаль, что Симеон Столпник¹⁶ жил несколько рано, он бы закусывал вместе с Струве.

6

[Женева], 20 августа 1849 г.

Журналистика наводняет все; здесь имеется четыре проекта, все говорят о пробных номерах, об обозрениях, о формате, и все они имеют доброе желание заставить меня участвовать в потерях. Я тронут этими знаками дружбы¹⁷.

7

[Женева, начало сентября 1849 г.]

Прудон не пишет. Я думаю, что он остался не совсем доволен моим письмом; я написал ему как человеку, а он великий эконоом. Я сделал, что обещал; я буду настаивать, чтобы добиться — не дружбы Прудона, а исполнения конкурдата¹⁸. Кто папа и кто Наполеон...

8

[Женева], 15 октября 1849 г.

Почему же мне не присылают никакого документа, удостоверяющего, что залог принадлежит мне. Странная вещь: как только деньги вышли из рук Ротшильда¹⁹, все замерло: редакция, усердие писать нам, любезные услуги, услужливые любезности. Наконец, в самом деле, я хотел бы просто знать, каковы проекты Прудона относительно редакции иностранного отдела.

9

[Женева, середина ноября 1849 г.]

В случае, если письмо к Гервегу²⁰ еще не напечатано, пошлите, ради бога, сказать Хоецкому²¹, что я прошу его выпустить все то место, где говорится о Тургеневе²² и Головине²³ и т. д. Не забудьте, прошу вас. Это и неинтересно для журнала, и не деликатно.

10

[Париж], 1 июня 1850 г.²⁴

Я получил письмо от Каппа²⁵, он в восторге от Нью-Йорка. Фребель посвятил урок моей брошюре, что дало место к полемике в немецких газетах Нью-Йорка²⁶. Я хвастаюсь этим и кладу к стопам вашим мою заатлантическую и зауральскую славу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предвыборное собрание, на которое Герцен приглашает Герверга, — несомненно одно из собраний, посвященных обсуждению кандидатур на пост президента французской республики, ожесточенная борьба вокруг которых тогда шла (выборы, давшие, как известно, победу Наполеона III, состоялись 10 декабря). О каком точно собрании Герцен говорит, установить не удалось: в газетах того времени не удалось найти ни одного указания на собрание 23 ноября.

Название «Salle de la Fraternité», как можно установить по газетной хронике 1848—1849 гг., в то время носило помещение на rue Martel, 9. В этом здании тогда помещался «Club des travailleurs du Nord», в котором одну из руководящих ролей играл Альфред Дармон, ближайший помощник Прудона по редакции газеты последнего; он был знаком и с Герценом и сыграл некоторую роль в привлечении последнего к делу помощи этой газете. Направление этого клуба А. Люка характеризует как «excessivement rouge» («Les clubs et les clubistes», Paris, 1851, p. 246). Больше чем вероятно, что в письме речь идет о собрании, организованном именно этим клубом.

² Сазонов, Н. И. (1815—1862) — известный русский эмигрант 40-х годов: в 1848—1849 гг. жил в Париже и работал в газетах левого лагеря (в «Трибуне народов» Мишкевича, в газетах Прудона и т. д.).

³ Здесь Герцен играет словами, названиями различных вин (Chambertin, Romanée, Clos de Vougeot), перемешивая их с ходячими в то время эпитетами из революцион-

ной терминологии: «montagne» — «гора», т. е. крайняя левая в Национальном собрании, и т. д. Точно передать в русском переводе эту игру слов невозможно. Например в выражении «Le clos démocratique de Vougeot» Герцен вкладывает два оттенка: с одной стороны, его можно понимать как «демократический Clos de Vougeot» (сорт вина), а с другой — как «демократическое огороженное поле — de Vougeot».

⁴ Мерославский, Людвиг (1814—1878) — известный польский революционер, военный руководитель ряда революционно-национальных восстаний за период 1846—1864 гг., один из главных деятелей демократической части польской эмиграции 40-х годов. Его речь 29 ноября 1848 г., о которой упоминает Герцен, была произнесена по поводу годовщины варшавского восстания 1830 г.; в ней Мерославский обосновывал ту мысль, что революционная Франция в своих собственных интересах должна оказать активную помощь революционной Польше в ее борьбе за независимость. Полный текст этой речи дан в «Le Peuple» Прудона (номер от 3 декабря 1848 г.). Вскоре Герцен переменял свое мнение о нем и стал называть его «величайшим фанфароном в мире» и «генералом, знаменитым только поражениями» (Сочинения, т. V, стр. 286—287).

⁵ Делеклюз, Луи-Шарль (1809—1879) — известный французский революционер и социалист, участник делого ряда заговоров и восстаний, гражданский комиссар по военным делам Парижской коммуны 1871 г., убитый версальцами в дни взятия ими Парижа. В 1848 г. издавал газету «La République démocratique et sociale». Причиной «братоубийственной встречи» его, т. е. несомненно полемической схватки на каком-либо собрании, с Сазоновым могло быть только расхождение по вопросу о выборах президента. Делеклюз тогда поддерживал кандидатуру Ледрю-Роллена — вождя радикально-демократической «горы». Позиция Сазонова неизвестна. Но так как для него, равно как и для всего кружка парижских русских радикалов, группировавшихся вокруг Герцена в этот момент, очень высоко стоял авторитет Прудона, который в этой борьбе выставлял кандидатуру Распайя, то почти несомненно, что и Сазонов выступал в защиту этой кандидатуры.

⁶ Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — известный французский экономист и политический деятель, в 1848—1849 гг. член Законодательного собрания и редактор газеты, выходившей под названиями «Le Peuple», «La Voix du Peuple» и т. д.

⁷ «Северная Пчела» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1826—1864 гг. В эпоху 1848—1849 гг. — единственная русская газета, дававшая хронику политических событий, конечно в освещении, соответствовавшем желаниям начальства (редакторами ее в эту эпоху были Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч). В 1848 г. газета весьма сочувственно отзывалась о генерале Кавеньяке, одобряя его за решительность в подавлении июньского восстания; позднее ее симпатии перешли к Наполеону III. Последняя из статей «Северной Пчелы», на которые ссылается Герцен, напечатана в номере от 16 марта ст. ст. 1849 г. В Париже эта газета могла быть не раньше 5—7 апреля н. ст. Отсюда приблизительная датировка письма.

⁸ Кавеньяк, Луи-Эжен (1802—1857) — умеренный республиканец по взглядам, руководитель подавления восстания рабочих в Париже в июне 1848 г. «Храбрым, благородным» его назвал парижский корреспондент «Северной Пчелы» в № 154 газеты от 15 июля ст. ст. 1848 г. (письмо от 13 июля н. ст.). Подобные же лестные отзывы о Кавеньяке встречаются и в ряде других статей газеты: например в номере от 27 января 1849 г. напечатана особая статья «Генерал Кавеньяк», в которой автор, подводя итоги борьбы Кавеньяка с «пороком безначалия», с нескрываемым восхищением отзывался об его «твердости и решительности»: «Июньский мятеж остановлен и побежден его распоряжениями... Кавеньяк вел дело честно, прямодушно, спокойно и с достоинством... Его действиям обязана Прага, Франкфурт, Вена и Берлин водворением спокойствия... Пример французского генерала показал полководцам других стран, каким образом восстанавливают порядок и защищают законы».

⁹ Т. е. к Луи-Бонапарту — Наполеону III. «Северная Пчела» ему сочувствовала с первых моментов его появления на политической арене в 1848 г., а немедленно же после его выборов президентом сочувственно регистрировала возникновение плана превращения его президентства в пожизненное (см. номер от 16 февраля 1849 г.). Его история, о которой говорится ниже, — «История пушки»; о выходе русского перевода этой книги напечатано в «Северной Пчеле» от 8 марта ст. ст. 1849 г. «Его вечера в национальном Елисейе», это — балы в Елисейском дворце, описание которых дано в «Северной Пчеле» от 5 марта 1849 г.

¹⁰ Шангарнье, Никола (1793—1877) — в 1848—1851 гг. командующий войсками Парижа. Отношения его с Наполеоном III, при всей общности их контрреволюционных стремлений, были более чем холодными, так как Шангарнье сам стремился занять место Бонапарта. На почве этой борьбы в 1851 г. он был лишен командования, а после переворота 2 декабря арестован и выслан из Франции (вернуться обратно он смог только в 1859 г.).

¹¹ «Однозное празднество 24 февраля» — празднование в 1849 г. годовщины революции. Отчет о нем «Северной Пчелой» дан в номере от 16 марта ст. ст. 1849 г., где эта годовщина названа «постыдною и плачевною». Автор этого отчета стремится оправдать в глазах русских реакционеров поведение французского правительства, которое не могло не организовать этих торжеств, так как их требовали «крикуны Националь-

ного собрания»; он подчеркивает, что оно согласилось на это лишь «с отвращением и принужденностью». «Оно поступило,—добавляет он,—очень благоразумно не пригласив особ дипломатического корпуса».

¹² В номере «Северной Пчелы» от 16 марта 1849 г. говорится, что на вопрос одного офицера, почему он так скоро ушел с торжеств, генерал Шангарнье ответил: «Я воротился, чтобы плакать о стыде, которым покрывалась армия в этот день прошлого года, но теперь я принял свои меры. Тронься только, беда им». Это сообщение «Северной Пчелы» заимствовано из отчетов парижских газет; оно почти дословно совпадает с тем, что о поведении Шангарнье писал например «Peuple» (в номере от 25—26 февраля 1849 г.).

¹³ Фази, Ж. (1796—1878) — известный швейцарский политический деятель радикального лагеря, в 40-х годах руководитель нескольких восстаний в Женеве, с 1846 г. — президент Женевского кантона. Когда Герцен после неудачи республиканской демонстрации 13 июня 1849 г. вынужден был бежать из Парижа, то Фази дружески его принял в Женеве, и в письмах Герцена к жене от конца июня и начала июля (в Женеву от прибыл 22 июня) имеется несколько упоминаний о встречах с Фази. Но, по указанию самого Герцена, «через месяц» его отношения с Фази на почве политических расхождений (Фази не был социалистом) охладели (Сочинения, т. V, стр. 288). Так как данная записка Герцена написана очевидно еще до охлаждения и так как, с другой стороны, Гервег приехал в Женеву после 5 июля, то вернее всего, что записка эта относится к первой половине июля 1849 г. В архиве семьи Герценов сохранилась и М. К. Лемке опубликована записка Фази к Герцену от 12 июля 1849 г., в которой Фази предлагает встретиться в этот день (см. Сочинения, т. XIV, стр. 8); весьма возможно, что именно об этой встрече и идет речь в печатаемой теперь записке.

¹⁴ После разгрома восстаний в Бадене и на Рейне в начале июля 1849 г. в Швейцарию нахлынуло весьма большое количество немецких эмигрантов — политические деятели, солдаты и офицеры революционных отрядов и т. д. Германские правительства немедленно же начали делать коллективные представления о недопустимости пребывания этих эмигрантов на швейцарской территории и требовали от швейцарского правительства их высылки. Под этим давлением союзное правительство Швейцарии 16 июля 1849 г. приняло постановление о высылке политических и военных руководителей южногерманских восстаний; в первый список, опубликованный в швейцарских газетах 20 июля, были включены Брентано, Г. Струве, Мерославский, Виллах и др. Проведение в жизнь этого постановления представляло большие трудности, так как ни одна из смежных с Швейцарией стран выслаемых принять не желала и приходилось вести дипломатическую переписку о пропуске их через французскую территорию в Англию. Женевский кантон, правительство которого в то время было одним из наиболее либеральных, давал приют всем эмигрантам, изгоняемым из других кантонов, за что и подвергался нападкам со стороны союзного правительства.

Настоящее письмо Герцена является отражением настроений, господствовавших тогда в женевской эмиграции.

¹⁵ Струве, Густав (1805—1870) — баденский революционер, видный деятель восстания 1848—1849 гг., который республиканские убеждения сочетал с горячей проповедью вегетерианства и пламенной верой в френологию. Герцен в письме к московским друзьям от 27 сентября 1849 г. сообщает, что одно время он встречался со Струве «почти всякий день»: «Представьте тебе безумного фанатика средних веков, аскета, идиота и ограниченнейшего человека; представьте, что он проповедует уничтожение мясной пищи... и... и он-то был главою баденского восстания вместе с паятом Брентано и с генералом, знаменитым только поражениями» (Сочинения, т. V, стр. 287). Лемке считает последнее замечание относящимся к Ф. Геккеру; это — явная ошибка: Геккер не участвовал в баденском восстании; замечание это относится к Мерославскому).

¹⁶ Симеон Столпник — христианский аскет, живший в V веке.

¹⁷ В этот период немецко-французской эмиграцией в Женеве и Цюрихе был создан целый ряд журналов — «Völkerbund», «Alliance des Peuples», «Evolution», «Die demokratische Emigration» и др.; существование их было недолговечным; кроме того существовала конечно целый ряд планов, не получивших осуществления. О каких именно из них говорит Герцен, установить не удастся; сам он, насколько известно, в этот период участвовал только в «Italia del Popolo» (Лозанна) Мадзини и «Deutsche Monatsschrift» Колачека (имя Герцена стояло также в списке сотрудников «Alliance des Peuples»).

¹⁸ После демонстрации 13 июня 1849 г. газета Прудона была закрыта французским правительством; сам Прудон был заключен в тюрьму на три года. Возобновить издание газеты по новому закону о печати можно было, только внеся залог в 24 тысячи франков, каковые и дал Герцен. Полный текст формального договора, заключенного при этом между Герценом и Прудоном, опубликован М. К. Лемке в комментариях к Сочинениям Герцена (т. V, стр. 293—296), но в этом договоре речь идет почти исключительно о материальной стороне дела, и только в одном пункте предусмотрено право Герцена «доставлять статьи по общей политике», которые «должны быть помещаемы в газете, за исключением тех случаев, когда их неуместность будет очевидно или ког-

да их напечатание может повлечь за собой судебную кару». Этот характер договора совершенно не соответствует тому, что о нем рассказал Герцен в «Былом и думах», где подчеркивается, что Герцен выговорил себе право заведывать всюю иностранною частью газеты и вообще влиять на ее направление (Сочинения, т. XIII, стр. 454). Согласно этому последнему рассказу, требования Герцена «покоробили» Прудона, что сказалось в письме последнего от 29 августа, которое Герцен называл «строгою депешою». Получив последнюю, Герцен перевел нужную для займа сумму, сопроводил ее письмом «совершенно дружеским, но твердым», в котором пояснял, почему для него важны права влияния на направление газеты. Этим письмом Прудон был «очень доволен», что и высказал в письме к Герцену от 15 сентября 1849 г.

Все эти письма, крайне важные для биографий и Герцена, и Прудона, в литературе к сожалению известны только по выдержкам, приводимым Герценом в «Былом и думах», — и притом приводимых едва ли не на память, — так что было вполне возможно сомнение в точности рассказа Герцена в тех частях, где он расходится в тексте формального договора. Печатаемые теперь под номером 7 и 8 отрывки из писем Герцена к Гервегу важны прежде всего тем, что документально устанавливают интерес Герцена к редакционной стороне ведения газеты и тем самым основательно подтверждают рассказ «Былого и дум» (в формальном договоре право Герцена влиять на направление иностранного отдела газеты могло быть не оговорено потому, что такая оговорка в этом договоре подчеркивала бы связанность этого права с материальным участием Герцена в издании).

Даты на данном отрывке не имеется: приблизительная датировка его основана на следующих соображениях: оно написано после высылки Герценом денег на внесение залога (только это и может означать его заявление: «я сделал, что обещал»), т. е. после получения письма Прудона от 29 августа и до получения второго письма Прудона от 15 сентября, которое удовлетворило Герцена с точки зрения принципиальной стороны их отношений.

Новая газета Прудона начала выходить с 1 октября 1849 г. под названием «La Voix du Peuple» и просуществовала до 14 мая 1850 г. Герцен опубликовал в ней ряд статей («Письмо к Гервегу», «Письма русского к Мадзини» и т. д.), напечатанных главным образом в иностранном отделе газеты, который в ней носил название «Всеобщая политика — Солидарность народов».

¹⁹ Ротшильд — банкир Герцена, через которого были выданы деньги для займа.

²⁰ Статья Герцена «La Russie (à G. H.)» напечатана в «La Voix du Peuple» от 18-го и 26 ноября и 10 декабря 1849 г. Замечание о Тургеневе и Головинце, об устранении которого Герцен в данном письме просит, в «La Voix du Peuple» напечатано не было, — в этом тексте их имена вообще не упомянуты. О них есть упоминание в немецком тексте этой статьи; соответствующие строки приведены Лемке в его библиографическом комментарии (Сочинения, т. V, стр. 528), — по видимому о пропуске именно их и просил Герцен.

²¹ Хоецкий, Эдмонд (1822—1898) — польский писатель и политический деятель, эмигрант с 1844 г., писавший во французских изданиях под вседнимом Шарль Эдмонд. Редактировал иностранный отдел газеты «La Voix du Peuple».

²² Тургенев, Н. И. (1789—1871) — известный декабрист, эмигрант, автор книги «La Russie et les Russes» (1847), о которой и говорил Герцен в опущенном замечании своего письма к Гервегу.

²³ Головин, И. Г. (род. в 1816 г., умер после 1882 г.) — эмигрант, автор книг «La Russie sous Nicolas I», «Memoires d'un prêtre russe» и др., довольно высоко ценящихся Герценом за их разоблачительные тенденции, за содержащиеся в них резкие выступления против николаевского правительства и т. д. Позднее, в середине пятидесятых годов Головин раскаялся, отошел от революционно-эмигрантских кругов, и к старости опустился до того, что обратился к русскому посольству в Париже с предложением шпионских услуг.

²⁴ В конце декабря 1849 г. Герцен вернулся в Париж для приведения в порядок своих денежных дел, так как правительство Николая I наложило конфискацию на его имущество. В Париже он оставался до 22 июня 1850 г.

²⁵ Капп, Фридрих (1824—1884) — писатель, историк и политический деятель, участник революции 1848—1849 гг.; одно время (1849 г.) — учитель старшего сына Герцена. Вместе с Гервегом редактировал немецкий перевод «С того берега». В конце 1849 г. уехал в Америку.

²⁶ Фребель, Юлиус (1805—1893) — публицист и политический деятель, один из крупнейших руководителей немецкой демократической партии в 1848—1849 гг. В Женеве летом 1849 г. познакомился с Герценом и тогда же прочел в рукописях некоторые из статей Герцена. В конце 1849 г. уехал в Америку (судно, на котором он ехал, отплыло из Англии 1 октября). В Нью-Йорке в начале 1850 г. выступил с серией докладов об «уроках революции» в Германии и Европе вообще, при чем в одном из них подробно излагал взгляды Герцена.

Судя по некоторым указаниям, часть статей Герцена он увез с собой в Америку в рукописных копиях и опубликовал их там в немецких демократических газетах («New-Yorker Abend Zeitung» и др.).

IV

ПЕРЕПИСКА ГЕРЦЕНА С МОЙСЕЕМ ГЕССОМ

Публикуемые письма Герцена и Гесса представляют чрезвычайно значительный интерес для сравнительно-исторического изучения мировоззрения автора «С того берега». Верное понимание исторической роли Герцена-мыслителя, в частности его, по выражению Ленина, «духовного краха» в период после революции 1848 г., может быть достигнуто лишь на основе сопоставления воззрений Герцена и воззрений других идеологов эпохи. Конечно прежде всего напрашивается сопоставление Герцена с Марксом и Энгельсом. Но надо сказать, что в известном смысле сопоставление Герцена и Гесса оказывается еще более показательным для уяснения себе и сильных, и слабых сторон первого. Дело в том, что Маркс во всех областях, во всех разрезах идейно выше провидительнее, сильнее Герцена. Сравнивая высказывания Маркса и Герцена по одному и тому же вопросу, каждый раз убеждаешься в том, что сила Герцена в лучшем для него случае — в известном приближении к точке зрения Маркса, слабость — в недостаточности этого приближения.

Сопоставление же взглядов Герцена и Гесса показывает иное. Моисей Гесс (1812—1875) известен как один из представителей того «истинного социализма», который по словам «Коммунистического манифеста» был «высокопарным защитником» германского мещанства. Но позже Гесс эволюционировал. Он сознательно стремился стать на точку зрения Маркса, на точку зрения исторического материализма, однако слишком часто соскальзывал с нее в сторону то ли морализирующего идеализма и расовых теорий, то ли в сторону реформизма и вульгарного понимания зависимостей между экономическим базисом и политической борьбой.

Отношение Маркса и Энгельса к Гессу ярко сказывается в следующих строках письма Энгельса Марксу от 16 сентября 1868 г.: «Не представляется ли действительно необходимым популярное краткое изложение содержания твоей книги (речь идет о «Капитале». — Ж. Э.) для рабочих. Если это не сделать, то придет какой-нибудь Моисей и сделает это и все перепутает».

Отношение Энгельса к Гессу — это добродушно-насмешливое отношение великого мыслителя к такому его усердному, но неудачному «ученику», который способен лишь вульгаризировать и перепутать мысли учителя. И надо сказать, что это еще один из снисходительных отзывов. Гораздо сложнее и своеобразнее вырисовываются взаимоотношения Гесса и Герцена. Сопоставление взглядов Гесса, неудачно и неумело пытавшегося стать марксистом, и Герцена, почти всю свою жизнь пытавшегося игнорировать марксизм и только к концу своих дней горько убедившегося в своей исторической неправоте, — такое сопоставление крайне поучительно.

Оно рельефно подчеркивает идейную слабость Герцена, ибо по своим теоретическим предпосылкам и исходным положениям этот человек глубокой и блестящей мысли оказывается стоящим ниже Моисея Гесса и его слабой и путанной мысли. Исходные позиции Гесса в его полемической дуэли с Герценом имеют на своей стороне все выгоды, ибо это позиции не его, Гесса, а плохо им усвоенного учения Маркса. Но не умея остаться на этих позициях, Гесс в своих конкретных возражениях, полемических выводах, оценках и предположениях оказывается несостоятельным. И здесь-то данное сопоставление подчеркивает идейную силу Герцена. Его духовный крах и пессимизм, благодаря смелой последовательности и неустанной пылкости его мысли, оказываются, по-своему, плодотворными, его скептицизм становится в дальнейшем «формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой борьбе пролетариата» (Ленин, Памяти Герцена).

В первом письме Гесс правильно упрекает Герцена в том, что тот стоит «слишком высоко» над событиями и партиями, что он в силу своего пессимизма и разочарования в перспективах революции, отказывается от практического участия в жизни. Но какое мировоззрение и какого деятеля противопоставляет Гесс Герцену?

Вместо того чтобы сказать Герцену, что его созерцательный, бездейственный объективизм мешает подлинно верному пониманию действительности, что «совпадение изме-

ния обстоятельств и человеческой деятельности или самоизменения может быть достигнуто и рационально понято только как революционная практика» (Маркс, Тезисы о Фейербахе), вместо этого Гесс противопоставляет «всестороннее познание», «объективное познание» активному участию в общественной борьбе, высказываясь за такую активность против такого познания. Неудивительно, что героями Гесса становятся люди, «которые так погружены в самый центр общественной жизни и так охвачены историческим движением, что целиком растворяются в нем», т. е., по терминологии Гесса, «апостолы», противопоставляемые «философам» и не умеющие объективно и всесторонне познавать мир. Естественно, что Гесс в качестве своего героя называет Виллиха, этого смелого и энергичного революционера-боевика, но человека, лишонного критицизма и сколько-нибудь правильного понимания исторической обстановки, этого «коммуниста чувства», по выражению Энгельса. Для Гесса это не случайно. В его брошюре «Страшный суд над старым обществом» («Jugement dernier du Vieux Monde Social»), написанной в 1850 г., Гесс так характеризовал Маркса и Энгельса: «...они превосходнейшим образом владеют искусством рассекать тело нашего общества, анализировать его экономику и описывать его болезни. Но они слишком материалисты, чтобы обладать тем энтузиазмом, который электризует, увлекает народ», (Цит. по статье Г. Лукача, Новая биография М. Гесса, «Архив Маркса и Энгельса», т. III, стр. 408.)

Словом, правильно замечая слабые стороны позиции Герцена, Гесс умеет противопоставить пессимизму последнего лишь «иллюзии вульгарной демократии», по выражению Энгельса в его введении к марксовой «Классовой борьбе во Франции 1848—1850».

И если сам Герцен в период 1850—1852 гг. сошелся именно с Виллихом, этим озлобленным противником Маркса («философ» в тогдашнем герценовском смысле и «апостол» Виллих были совсем не такими противоположностями, как то казалось близорукому Гессу), то позже, в 60-х годах, например в статье-очерке «Роберт Оуэн», Герцен, пусть с оговорками и колебаниями, но уже приходит к пониманию значения революционной практики.

В данной связи интересно отметить, что следующая цитата из этой статьи, зовущая к активному воздействию на действительность, была использована в качестве эпиграфа в известной прокламации «Молодая Россия», отражавшей наиболее крайние настроения молодого революционного поколения 60-х годов и полемизировавшей по ряду вопросов с «Колоколом»: «Крайности ни в ком нет, но всякий может быть незаменимой действительностью; перед каждым открыты двери. Есть что сказать человеку — пусть говорит, слушать его будут; мучит его душу убеждение — пусть проповедует. Люди не так покорны, как стихии, но мы всегда имеем дело с современной массой, ни она не самобытна, ни мы не независимы от общего фона картины, от одинаких предшествовавших влияний; связь общего есть. Теперь вы понимаете, от кого и чего зависит будущность людей и народов.

— От кого?

— Как от кого?.. да от нас с вами, например.

Как же после этого сложить нам руки!»

В 60-х годах Герцен научился многому, но конечно не благодаря Гессу.

В дальнейших своих письмах Гесс многократно противопоставляет «идеологической» точке зрения Герцена свою точку зрения «социальной экономики». Опять-таки по своим исходным положениям Гесс совершенно прав, ибо блестящему уму Герцена, его многостороннему и богатому запасу знаний не хватало именно понимания экономики, знания ее материала и законов. Совершенно верно, что для Герцена национальная психология, культурно-историческое лицо данной страны очень часто и долго заслоняли ее экономическое положение.

Только поздно, к концу своей жизни, Герцен (например в «Письмах к старому товарищу», на которые, характеризуя эволюцию автора, ссылался Ленин) приходит к пониманию значения экономики и «математических законов», управляющих ею.

Но в 1850 г. Гесс плохо учил Герцена, он вульгаризировал марксистский анализ экономических условий классовой борьбы. Так например, исходя из экономики Англии, отвлеченной от исторически сложившихся особенностей классовой борьбы в этой стра-

не, Гесс в 1850 г. именно здесь ждал пролетарской революции. Проблема «революционного воспитания англичанина», о которой Маркс писал Энгельсу 27 июля 1866 г., была для Гесса несущественной.

В то время как Гесс ожидал пролетарской революции именно в Англии, отправляясь только от оценки ее экономики, Маркс в статье «Новой Рейнской Газеты» так определял сложное взаимоотношение экономики Англии и экономики континентальных стран, континентальных революций и революционных перспектив Англии: «Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Почин всегда принадлежит Англии... хотя кризисы разряжаются в революции прежде всего на континенте, начало им кладется все-таки в Англии. На конечностях буржуазного тела, естественно, скорее наступает насильственная развязка, чем в сердце его, где равновесие может наступить легче» («Классовая борьба во Франции 1848—1850»).

Наконец Гесс выступал, и тоже совершенно правильно, против славянского революционного мессианизма Герцена. Но и здесь Гесс противопоставлял Герцену не крепко-исторические и политические аргументы Маркса, а, оперируя отголосками расовых теорий, говорил о «созерцательном, неисторическом, стабильном характере» славянских народов.

Итак — преимущества, которыми Гесс обладает над Герценом в своих исходных позициях, были мерилом слабости Герцена. Но мерилом его силы является то, что действительно победить его пессимистическое мировоззрение, преодолеть его идейную установку мог только подлинный, не вульгаризованный и искаженный Гессом марксизм. И Герцен, и Гесс не дошли до учения Маркса, хотя и шли к нему. Материал же публикуемой полемики ясно показывает, насколько эволюция Герцена была, хотя и более трудной и мучительной, но гораздо более глубокой, последовательной и серьезной.

Ж. Э. Л. с б е р г

1. ГЕРЦЕН — ГЕССУ

Женева, 26 ноября 1849 г.

Дорогой господин Гесс!

Я был чрезвычайно рад получить от Вас весточку. Я тотчас же написал своей матери, которая живет в Цюрихе, чтобы она как можно скорее выслала Вам 60 франков.

Какой год, какой год! Знаете ли Вы стихотворение Байрона «Тьма»?¹ Вот и я во мраке. А бедный Готшалк!² Сердце болит. Лично я был вынужден покинуть Париж после глупого дела от 13 июня³; республиканская полиция донесла на меня, а всемиловитвейший самодержец всеармянский наложил арест на мое имущество. — С Вами я увижусь, я буду в Цюрихе 7 или 8 декабря. Будьте здоровы и спасибо за доверие.

Преданный Вам

А. Герцен.

Адрес: Господину Гессу в Цюрих под Гиршграбенем № 697, за погребком Соломона.

2. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850, февраль?]

С великой радостью я нашел у Гервега Ваше сочинение; я не только прочел этот труд, я изучил его. Чего бы я ни отдал теперь за то, чтобы побыть с Вами! Если бы это позволяли мои обстоятельства, я поехал бы к Вам, чтобы с точки зрения, не признающей и в исторической жизни различия между посюсторонним и потусторонним, продолжить беседу⁴, которую Вы так блестяще набросали «с того берега».

Вы встали на очень высокую точку зрения в Вашей оценке актеров, находящихся в самой гуще исторической жизни, движения, революции. Вы

сравниваете себя с римскими философами, жившими в первые века христианской эры. Дорогой друг, Вы стоите слишком высоко. Историческую жизнь, как всякую жизнь, нельзя рассматривать ни с высокой, ни с низкой точки зрения — ее можно рассматривать только из центра. Все, что выше или ниже жизни, является внешним для нее. Центральный же пункт всякой жизни — это ее собственная экономика, ее своеобразный способ добывания средств к жизни. Для оценки социальной жизни я не знаю поэтому другого критерия, кроме социальной экономики. В обществе, как повсюду, способ производства есть тот центральный пункт, вокруг которого сосредоточивается весь способ существования, а значит в исторической жизни сознательных существ и все их мирозерцание. Кто находится в этом центре, как трудящийся народ, или умственно углубляется в него, как апостолы этого народа, тот не только философски постигает свою эпоху, но и жизненно погружается в нее. Это религия, если Вам угодно; и это уж во всяком случае полнота жизни, а ведь Вы знаете: прав тот, кто живет. Поэтому правда и была на стороне христианина против римского философа и на стороне Робеспьера против немецкого, против Вашего любимца Клоотса⁵.

Как апостолы нового евангелия мы должны чувствовать большее родство с апостолами, чем с философами всех времен. Хоть мы и не верим больше ни в христианского, ни в робеспьеровского бога, однако вся наша жизнь и все наши помыслы запечатлены гораздо больше апостольским, чем философским характером. Вы вообще слишком переоцениваете идеологическое выражение исторической жизни и исторических устремлений. Страстная борьба людей, в жилах которых пульсирует история, не исчерпывается теистическим или атеистическим символом веры. Если в прежние времена апостолы народа не столько правильной понимали потребности своей жизни, сколько правильной чувствовали их — правильной, чем философы, которые стояли над, т. е. вне движения своего времени, и довольствовались «маленьким лучом света» и красивым «видом», — то эта сравнительная неясность их сознания объясняется не тем, что они находились в центре живого движения, а тем, что сама жизнь была еще неясна, недостаточно развита. «Человек заблуждается, пока он стремится», т. е. пока он находится в процессе развития. В неразвитом организме преобладают антагонизмы, неясности и противоречия; только развившись, он становится в основном гармоничным, ясным и внутренне единым. Но вся прошлая история человечества была лишь историей развития общества. Как в жизни природы антагонистическое животное предшествовало гармоническому человеку, так в общественной жизни социальное животное царство предшествует гармоническому обществу. Ныне общество стоит у той черты, у которой стояла природа, когда она собиралась создать человеческий организм. Не удивительно, что для нас теперь положение яснее, чем для апостолов прежних времен. Нынешние апостолы могут даже яснее разуть жизнь, чем нынешние философы, отличаясь вместе с тем от философов так же резко, как отличались от них апостолы всех времен.

Ваше пристрастие к Гете⁶ приводит на память противоположность между «эллинами» и «назарейнами» — противоположность, которую отметил, но не понял Гейне, потому что он сам представляет одну сторону этой антитезы и поэтому не может возвыситься над ней. Вы знаете, какую бурю негодования вызвал против себя Гейне своей книгой о Людвиге Берне. Ограниченные фанатики почувствовали себя смертельно ранеными и ринулись, как подстреленные кабаны, на охотника, а охотник, спокойно дав им истечь кровью, стал с обычным мастерством преследовать своими выстрелами более опасных зверей, львов и тигров, королей и попов социального животного царства.

С тех пор как я знаю, чего я хочу, я тоже больше люблю Гете и Гейне, чем Шиллера и Берне; но так как я не только знаю, чего хочу, но и хочу то, что знаю, то я больше апостол, чем философ. Вы уже понимаете, почему я противопоставляю друг другу не «назарейан» и «эллинов», а апостолов и философов. Вторая противоположность шире первой. И в ней нет ничего ехидного—одна сторона не бросает ложного, дурного света на другую. Гейне был бы менее несправедлив к Берне и показал бы самого себя в лучшем свете, если бы он в качестве философа или «эллина», каким он хочет быть, обрисовал свое отношение к истинным и ложным апостолам нашего времени с той объективностью, как это было бы естественно для такого поклонника Гете. Но в том-то и дело, что Гейне не является ни таким цельным «эллином», ни таким совершенным анти-«назарейанином», как он сам воображает.

Объективное познание—вот что характеризует философа, будет ли он при этом поэтом или политиком или чистым мыслителем. Как настоящий философ, он не даст никаким субъективным порывам воли омрачить свое объективное познание, свою ясность и безмятежность; его олимпийское величие никогда не будет нарушено и фанатизировано антагонистической страстью. Но пока общество еще остается антагонистичным, отдельный человек может завоевать себе эту гармоничность только посредством абстрактного возвышения над «вульгарной» общечеловечностью, с которой однако на деле он связан душой и телом. Всестороннее познание, объективная успокоенность, ясность и безмятежность во всех отношениях—такая гармония невозможна в нашем антагонистическом обществе. Гармоническое существо—это в действительности лишь абстрактное, одностороннее существо. Созерцательная натура немцев, как и северо-восточных народов вообще, весьма подходит к этому абстрактному, одностороннему направлению, для которого требуется больше ума, чем темперамента. Люди этого направления срывают с дерева жизни только духовные цветы и воображают, что, сосчитав тычинки цветка, они тем самым уже изучили и процесс образования плода. Они занимаются созревшим охотнее, чем созревающим, гармоническим растительным царством охотнее, чем антагонистическим царством животных, замкнутым в себе естественным животным царством охотнее, чем продолжающим развиваться социальным, вообще—природой охотнее, чем историей. А в области истории они опять-таки предпочитают восточную западной, видя в последней только «ужас» и «безумие». В восточном мире они охотнее останавливаются на китайцах и индусах, чем на евреях и магометанах, и наконец в западном мире античные «эллины» им более по душе, чем современные «назарейане». На историю они переносят свое представление о природе, как о чем-то готовом, рассматривают историю, подобно природе, как циклический процесс и упорно не хотят признать, что история лишь тогда становится замкнутым циклическим процессом, когда перестает быть историей в обычном смысле слова; в каждый возраст они непременно вкладывают полноту самообладания, свойственную только зрелому возрасту, и воображают себя зрелыми людьми, тогда как они на самом деле только незаурядные и избалованные дети.

Философ может предвидеть смерть старого общества, но не может желать ее и способствовать ее наступлению, потому что смерть этого общества есть и его собственная смерть, потому что он живет только в настоящем, а не также и в прошлом и будущем, потому что для него прошлое—это только то, что умерло, а будущее—это только утопия, потому что он больше любит «духовное достижение», чем реальное революционное движение, потому что он считает лично себя завоевателем «истины», некоего абстрактного «духовного» блага, и стало быть обладает духовной частной собственностью. Только те радостно идут навстречу

МОИСЕЙ ГЕСС

Фотография 1860-х гг.

Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

смерти нашего общества, которым уже нечего терять в нем, у которых нет ни духовной, ни материальной частной собственности, которые так погружены в самый центр общественной жизни и так охвачены историческим движением, что целиком растворяются в нем. Это — душевное состояние не философов, а апостолов нашего времени, как и всех времен, например Августа Виллиха или Барбеса⁷, которые, подобно первым христианам, почти ищут мученичества как огненного испытания своей веры. Да, это если хотите, мечтательность, но мечтательность исторически оправданная, мотивированная жизнью. И Ваш Клоотс был тоже мечтатель, но его мечтательность была абстрактной, какую и по сей час остается мечтательность наших нынешних немецких «анархистов», — и я откровенно признаюсь Вам: будь я Робеспьером и попадись мне в руки такой философский «анархист», я тоже обезвредил бы его и навлек бы на себя проклятие философов.

У Вас кроме философского элемента имеется еще один, благодаря которому Ваше понимание истории необходимо должно отклоняться от моего. Вы принадлежите к тем северо-восточным народам, которые, как я сказал, в силу своей созерцательной природы больше предрасположены к философскому направлению; и, далее, Вы принадлежите к той семье народов, которая осталась чуждой историческому движению Европы, Вы — русский. Вы думаете, правда, что «чужой» способен лучше разобраться в «семейных делах», чем тот, кто сам является членом семьи. Чужой — «беспартийный наблюдатель», это правда. Спрашивается только, правомерна ли «беспартийность» в истории, возможна ли здесь «более высокая» точка зрения, чем точка зрения партии? Мой взгляд на это я уже сообщил Вам в начале настоящего письма. Поскольку Вы считаете себя чужим в наших «семейных делах», Вы только подтверждаете, что Ваша высшая точка зрения является внешней; ибо то, что чуждо, то и внешне. — Но чуждое не только внешне, оно может быть и неприятельским, враждебным, — и когда я несколько ближе присматриваюсь к Вашей точке зрения, я не могу даже признать ее вполне беспартийной. Как философ Вы стоите не в центре исторического движения, а несколько над ним; как русский Вы даже противостоите с некоторой враждебностью европейской истории. Как философ Вы не хотите забегать в будущее, не любите пророчествовать; как русский Вы пророчествуете, что славянская семья народов явится наследницей европейской, ибо последняя слишком одряхла, чтобы возродиться собственными силами. Как для философа, будущее таит для Вас бесконечное множество возможностей; как для русского, оно таит для Вас в своем лоне только одну единственную возможность славянского нашествия. — И я не люблю пророчеств: они ведут к фаталистическому мировоззрению, которое парализует волю, действительную силу. Возможно, что нынешняя цивилизация погибнет, подобно древней, под ударами не своих собственных, а внешних «варваров»; но возможно и то, что наши пролетарии и есть те «варвары», которые принесут ей с собой смерть, гибель и — воскресение. Я, во всяком случае, сражаюсь за наших собственных варваров и вместе с ними, потому что мне отнюдь не все равно, принадлежит ли наше будущее прогрессивному или реакционному социализму. Но почему же, можете Вы меня спросить, я считаю, что славянское нашествие принесло бы нам только реакционный социализм? По этому поводу я высказался еще десять лет назад («Europäische Triarchie», Лейпциг, Отто Виганд).

Как раз то самое, благодаря чему северо-восточные народности оказались столь способными доставить мировое владычество христианству, делает их сейчас неспособными создать новый мир. То, что Вы пишете о русской общине, только подтверждает мое мнение о созерцательном,

неисторическом, стабильном характере этих народов. Я допускаю, что славяне могут создать современную Византию, западный Китай, но они не смогут превратить нашу Европу в социал-демократическую республику, если Европа не освободит себя сама.—Я по крайней мере сделаю все, что от меня зависит, чтобы отвратить от нашей части света такое великое несчастье. Я пишу не для развлечения, а равно и не из честолюбивых побуждений. Так как вы повидимому любитель физиологии и в особенности френологии, то не скрою от Вас, что, по мнению одного ученого френолога, в моем черепе оппозиционная и боевая черта развита больше, чем черта честолюбия и славолубия. Как видите, мой мозг развился немножко «криво». Что поделаешь? Виноват ли я, что европейский конвент улыбается мне больше, чем русская община? Так уж устроена моя «конвентовская голова». Я согласен, что не может быть свободной Европы без свободной России, но я думаю, что и свободная Россия, свободное славянство не может существовать без свободной Европы. Почему вы хотите поставить европейскую свободу в зависимость от славянского владычества? Либо та свобода, которую Вы имеете в виду, не есть солидарная социал-демократическая свобода, либо интересы европейцев и славян как же тесно связаны сейчас между собой, как интересы всех народов. Если славяне стремятся теперь к объединению на основе своей расовой однородности и к освобождению от внешнего и внутреннего гнета, то они лишь разделяют в этом пункте стремления немцев, итальянцев и венгров, а равно и всех народностей вообще, еще не добившихся национальной независимости французов и англичан. Однако новейшие события показали, думается мне, достаточно убедительно, как бесплодны и эти национальные стремления, пока реакция не разбита и не побеждена по всей линии и во всех отношениях. Полная победа социальной революции не будет делом одного дня, не будет она и делом одной какой-нибудь нации или одного племени. Я думаю, что Россия и славяне точно так же не останутся в стороне от революции, как Англия и Северная Америка, когда революция развернется полностью. Но если она будет задержана в своем всеразрушающем и всеосозидающем порыве, тогда конечно, но и только тогда, снова обнаружится, и более пагубно, чем когда-либо, старый антагонизм интересов, старое разделение рас и классов, старое «divide et impera» («разделяй и властвуй»). Победа реакции и враждебное разделение народов так же совпадают для меня, как победа революции и международное братство.

Ни один апостол народа не может сочувствовать мысли о борьбе рас. Я по крайней мере не могу сдружиться с идеей славянского нашествия. Такая смерть европейской цивилизации не таит в себе зародышей жизни, не принесет с собой воскресенья. Но я надеюсь, что история, которая «не повторяется», избавит нас от этого второго не исправленного издательства переселения народов.

3. ГЕРЦЕН — ГЕССУ

Париж, 3 марта 1850 г.

Благодарю Вас тысячу раз за Ваше прекрасное письмо, дорогой господин Гесс; не ждите теперь ответа, я хочу только поделиться с Вами пока некоторыми субъективными соображениями.

Вы совершенно правы, когда говорите, что римские философы стояли вне действительной жизни; апостол Павел или Юлиан Консервативный⁸ были гораздо больше укоренены в действительности, чем Секст Эмпирик⁹, Лукриан¹⁰ и т. д., — но разве они могли свободно выбирать, разве не исто-

рическая необходимость выгнала их из истории, разве это их вина, что они смотрели на вещи трезвее, чем христиане?

Связь, соединяющая нас с прошлым и с нашей средой, не всегда так слаба. Это симптом упадка, приближения катаклизма. Англичане например, если исключить некоторые эксцентричные индивидуальности вроде Байрона или Шелли, держатся на уровне своей действительности. Они что-то продолжают, у них есть традиции, какое-то дело, правило поведения. Мы находимся в другом положении; этот чувствуемый нами разрыв преемственности, этот «Bruch», не есть нечто преднамеренное, сама среда толкает нас к сомнению, к отвращению; и после долгих усилий, страданий и разочарований вы падаете, или же ваша не титаническая натура восстает, становится скептической и проникается неистовым желанием развенчать все на свете. Обстоятельства—24 февраля, например,—могут перевернуть Вас, могут вдохнуть новый порыв, но они могут и сразу остановить Вас в самом разгаре вашего порыва.

Брошюра, о которой Вы говорите¹¹, — даже не пропагандистская работа: элемент лирический, так сказать, и совершенно субъективный преобладает в ней. Если она Вас заинтересовала, то потому, что она правдива; в ней чувствуются бешенство и слезы за сомнением; я освободился от своих горестных ощущений, когда написал ее. Капп опубликовал перевод моих писем от 1847 г. об итальянской революции (издание Гофмана и Кампе); в первых из этих писем Вы найдете меня в совершенном упоении (хотя они были написаны после первой статьи «Перед грозой»).

Но это не все. Вы может быть забываете, что моя позиция наблюдателя определяется моей национальностью; я физиологически принадлежу к другому миру, я могу с большим равнодушием констатировать страшную язву, которая снедает Западную Европу. В России мы страдаем только от детской неразвитости и материальной нужды, но нам принадлежит будущее. Славянский мир еще не существовал во всей полноте своих сил; теперь он инстинктивно приготовил себе огромную арену действия—Россию. В этом отношении мы, русские, находимся в совсем ином положении, чем римские философы,—те не имели ничего, кроме своей мысли, мрачной и гордой (хотя, признаюсь, я питаю слабость к этим людям, эта независимость, эта индивидуальная освобожденность, которая ничего уже не ждет от людей, наполняет трепетом мое сердце), и они предвидели то время, когда Юстиниан закроет их школы или какой-нибудь другой император сожжет византийскую библиотеку, чтобы покончить с их наукой. Мы же наоборот только ждем, когда выступить.

Я закончу на этом сегодня. Я буду весьма польщен, если Вы соизволите написать Ваше письмо¹² in extenso и напечатать его в Вашей брошюре. Я обязуюсь ответить Вам. Вместо моего имени пишите мой псевдоним—Искандер. Так я подписывал все напечатанное мною в России, и так как Капп тоже употребляет его, то пусть будет Искандер. Распорядитесь, чтобы Кампе выслал мне экземпляр «писем» и возьмите у Гервега один экземпляр брошюры. Я пришлю Вам также «письма»; сообщите Ваш адрес. Куда Вы едете? В Англию? Я может быть буду в Лондоне через три недели. Не забудьте сообщить мне свой адрес, Вы можете писать мне на имя «братьев Ротшильд» в Париж.

Прочли Вы в Швейцарии речь Донозо Кортеса? Я написал ему ответ¹³ и собираюсь сейчас написать небольшую статью против сумбура, проповедуемого Эм. Жирарденом по вопросу о большинстве и меньшинстве.

А впрочем все кругом очень печально—я все глубже и глубже погружаюсь в пессимизм.

Еще раз спасибо и большое спасибо за Ваше письмо, оно доставило мне большую радость. Примите мой братский привет.

Что касается денег, то не думайте об этом; мне они не нужны, а Вы собираетесь в путешествие. Если Вам нужна еще приблизительно такая же сумма, просто напишите мне об этом.

Преданный Вам А. Герцен

4 марта

P. S. Заглавие моей брошюры ввело в заблуждение очень многих и в том числе Вас, дорогой господин Гесс. Я написал ее в Швейцарии, и «с того берега» означает только — за рубежом революции, больше ровно ничего.

4. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850 г., март?]

Вы обращаете мое внимание на речь, которую Донозо Кортес произнес в испанской палате депутатов и которая в Париже удостоилась чести быть опубликованной отдельным изданием иезуитами из «Univers». В этом издании речь Кортеса попала в руки и мне, и, прочтя ее, я не удивляюсь ни той чести, которую ей оказал парижский «Univers», ни той, которую сказали ей Вы, ответив, как Вы мне пишете, оратору. Я весьма хотел бы прочесть Ваше возражение. Зловещие пророчества Кортеса действительно так явно совпадают с Вашими, что Вы непременно должны были подчеркнуть различие между Вашим и его мировоззрением. Вас может быть вывело из себя, что человек, выставляющий требования, диаметрально противоположные Вашим, человек, с которым Вы не желаете иметь ничего общего, рассматривает нашу революцию почти с той же точки зрения, что и Вы. Вас без сомнения удивило, что католический мыслитель, иезуит, трубит о страшном суде в тот же рог, что и Ваш философ «с того берега».

Уже одно то обстоятельство, что Вы сочли нужным опровергать эту речь, доказывает мне, что идеологическая точка зрения Вашего философа «с того берега» усвоена Вами всерьез. «Вы придаете слишком большое значение, — писал я Вам в своем предыдущем письме, — идеологическому выражению исторической жизни и деятельности». Вот эту-то черту Вы и разделяете, дорогой друг, с Донозо Кортесом, она-то и вынуждает Вас считать иезуита достойным противником и ставит Вас теперь в неприятную необходимость выступить против человека, вся сила которого только в том и состоит, что он бежит от реальной исторической жизни. С социально-экономической точки зрения «вой» господина Донозо Кортеса вообще не заслуживает никакого внимания. Только идеология прогрессиста может видеть в реакционной идеологии опасного врага, достойного противника. Слепые выпады господина Кортеса направлены вовсе не против действительного социализма, а лишь против мнимой философии социализма, против философского атеизма, против философской анархии. Разве Вы не видите, что наш испанский гидальго трусливо удирает от действительной, от социально-экономической революции? Только укрывшись на территорию идеологии, отваживается он вступить в борьбу с революцией; только в обществе Дон Кихотов анархии он снова чувствует себя на родной почве.

С социализмом, с этим «сыном политической экономии, пожирающим свою мать», «невозможно бороться» — «de socialisme ne se combat pas», — вздыхает Донозо Кортес. Если же вы все-таки хотите бороться с ним, прибавляет он елейным тоном, то вы должны обратиться к той религии, которая призывает богатых к милосердию, а бедных к покорности, к терпению. Драгоценное признание! — Он выбалтывает основную мысль реакции, объявляя занятие экономическими вопросами величайшим злом нашего безбожного времени. «Занимайтесь экономическими вопросами, —

восклицает он, — поставьте их на первое место, и не сегодня-завтра вы будете иметь социализм в парламенте и на улице! — Господин Донозо-Кортес охотнее занимается тремя «положительными» и тремя «отрицательными» сторонами религиозного и политического мирозерцания, «тремя ступенями» веры и неверия. Этот господин прошел хорошую школу — он был посланником в Берлине, может сейчас еще остается им. Там он имел возможность изучить «отрицательную идеологию» у ее «первосвященников». Туда отсылает он всех, кто хочет узнать идеологию из первоисточника. «Знайте, — взывает мудрый дипломат к своим изумленным соотечественникам, — знайте: социализм» и т. д.; «знайте — социализм!» Французы только ученики в вопросах социализма, в вопросах социальной революции, и ученики — немцев! Англия, так поучает нас этот господин, единственная страна в Европе, избежавшая опасностей социализма и способная спасти Европу, если только к ее прочим преимуществам прибавится еще одно, если она станет — католической!

Подобный вздор не приходится опровергать — *le cretinisme ne se combat pas*, — но зато, как спартанцы изучали на своих илотах последствия пьянства, так мы можем изучать на этом реакционном идеологе последствия того направления мысли, которое сбивает с толку не только наших врагов, но, к сожалению, слишком часто и наших друзей. Это направление — я разумею идеологию — является дочерью нашего антагонистического общества; но в противоположность своей материалистической сестре, социальной экономии — этой дочери политической экономии, пожирающей свою мать, — она более благодарная дочь и постоянная верная спутница своей старой матери как в своих «отрицательных», так и в своих «положительных», как в своих революционных, так и в своих реакционных выступлениях.

Наш реакционный испанец видит в реальном историческом движении только идеологическую сторону движения. В этом вся причина той бездонной и бессмысленной чепухи, которую он несет и которая иначе была бы совершенно непонятна в устах человека, который как дипломат должен же хоть сколько-нибудь знать свет. Идеология ведь и есть то напряжение мысли, которое ставит все вверх ногами. Не буду здесь останавливаться на том, в какой мере это направление мысли нашего испанца объясняется его реакционной тенденцией, утверждает ли он невольно или сознательно на идеологической точке зрения, смутно ли он чувствует или ясно понимает, что идеология есть слабая сторона революции и сильная сторона реакции, действительно ли он опьянен или только притворяется опьяненным, чтобы вогнать в подобное же состояние своих слушателей и затем уже безнаказанно перевертывает все вверх ногами, не рискуя сам оказаться в смешном положении. Во всяком случае умственные aberrации, произведенные в голове реакционера чистым спиртом идеологии, могут послужить для нас устрашающим примером того, до какой степени идеология извращает мозги.

Если в реальном историческом движении видеть только его идеологическую сторону, тогда тот народ, который ни разу не попытался совершить практически социальную революцию, но зато тем усерднее критиковал теории социализма с «анархической» точки зрения, — тогда именно немецкий народ окажется народом «учителей и первосвященников» социальной революции; тогда те, кому в наше время всегда принадлежит почин в революционном движении, т. е. французы, окажутся лишь учениками в деле социальной революции, учениками тех «анархистов», которые учнее всех умеют болтать и меньше всех умеют действовать; тогда та страна, передовая промышленность которой содержит в себе все условия, необходимые для проведения и завершения нашей революции — той революции, которую народ революционного почина только испробо-

вал, только начал, но не довел до конца и не может завершить один,— тогда Англия окажется единственной страной, способной «задержать» развертывание социальной революции!

Если в общественных отношениях и связях, порождаемых среди людей определенным способом общественного производства, мы будем видеть только рефлекс этих самых отношений в сознании, т. е. только духовную связь, — тогда и в разложении общественных отношений мы увидим только разложение духовных связей, лишь отражающих, как в зеркале, движение самой действительности; тогда тончайший цвет общественной жизни, мораль и религия, превратится у нас в ее корень, вершина пирамиды — в ее основу, и мы вообразим, что старые, разложившиеся общественные отношения могут быть восстановлены посредством восстановления старых духовных связей; тогда мы будем гибель данного мира выводить из гибели его морали, тогда борьба за господство в мире превратится в борьбу за моральные преимущества той или другой расы; тогда различные фазы общественных отношений, возникающих и исчезающих вместе с определенным способом производства, превратятся в соответствующие фазы веры и неверия; тогда в разложении феодальной системы собственности мы увидим только разложение феодальной веры, преданности и покорности, а в зарождении, развитии и итоге буржуазного революционирования феодальной собственности — только зарождение, развитие и итог буржуазного непокорства и неверия в политической и религиозной сфере; тогда мы не сможем распознать зародыши нового мира, которые еще не нашли своего отражения в сознании, потому что они таятся пока в мире бессознательного; тогда мы хоть и сумеем разглядеть конец буржуазной революции, последнюю ступень отрицания, атеизм, анархию, но за нею не увидим ничего кроме мрака, сплошного мрака.

Мрак, сплошной мрак видит перед собою Донозо Кортес с той минуты, когда Европа, которая, как он говорит, уже перешла от первой ступени отрицания, от деизма в религиозной и конституционализма в политической области, ко второй ступени, к пантеизму в религиозной области и к республике в политической,—когда Европа перейдет от этой второй к третьей и последней ступени отрицания — к атеизму в религии и к анархии в политике.

Ничего кроме мрака, сплошного мрака не может усмотреть и Ваш философ «с того берега» с той минуты, когда буржуазная революция, вступив в свою третью и последнюю фазу и перейдя тем самым в пролетарскую революцию, развернется до конца.—Как русский вы видите, правда, в славянском нашествии «белую волну ковчега» за сумрачными «волнами карающего потопа», наступление которого Вы видите как философ,— между тем как Донозо Кортес видит в этом нашествии только вторжение варваров, которые пройдут по Европе с оружием в руках и сами впитают в себя яд разрушительных идей, который они найдут у нас. Но, дорогой друг, в этом пункте Ваше преимущество перед Донозо Кортесом заключается только в Вашей непоследовательности. Если допустить, что варвары завоеуют цивилизованный мир, то, согласно законам логики и истории, придется также допустить, что завоеватели воспримут духовные и материальные богатства завоеванных, а так как по Вашему взгляду, как и по взгляду Донозо Кортеса, нашим последним словом является идея анархии, то завоеватели и смогут воспринять только эту отрицательную идею и должны будут вместе с нами умереть и сгнить от яда нашей заразы. Как Вам известно, я не отрицаю возможность такой смерти без воскресения, такой окончательной победы варварства и бестиялизма; я утверждаю только, что кашествие, варварство и реакция неотделимы друг от друга, что одно неизбежно влечет за собой другое. Для спасения Вашего славянского нашествия Вам остается только провозгласить положительной

идеей тот самый социализм, который Вы до сих пор вместе с Прудоном и с немецкими философами понимали как отрицательную идею, как анархию в политической и атеизм в религиозной сфере.

Но если эта положительная идея есть нечто большее, чем утопия, если она есть идеологическое выражение реальных отношений, то ее содержание совпадает с содержанием нашей нынешней революции, то эта революция, наносящая смертельный удар старому миру, уже должна в самой себе носить зародыш нового мира. А если в нашей революции содержится зародыш нового мира, если наши антагонистические отношения производства и собственности таят в своих недрах предпосылки тех гармонических отношений, которыми будут уничтожены все классовые и расовые различия,—тогда, дорогой друг, эти предпосылки будут получены нами не от славян, как Вы думаете, с их общинным землеустройством. Если не анархия, а организация существующих средств производства на общую пользу и объединение всех народов цивилизованного мира есть последнее слово революции, тогда, правда, все еще остается возможным поражение революции и окончательная победа реакции, но тогда анархия и нашествие будут сопутствовать не успехам революции, а успехам контр-революции и реакции.

Наш католический испанец утешается католической иллюзией. Ему ответил еще Санчо-Панса: «Послушайте, сударь, то, что Вы видите перед собой, это не великаны, а ветряные мельницы». Философический русский «с того берега» утешается славянской иллюзией. Не обманитесь, дорогой друг! Светлая точка, которую Вы видите за «волнами карающего потока», это не «заря» нового дня, это — северное сияние, которое освещает вечную ночь!

5. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850 г., март]

Наконец-то, наконец я получил «Voix du Peuple», журнал Прудона, в котором напечатан Ваш ответ на речь господина Дюнозо Кортеса, маркиза Вальдегамаса. Одновременно с этим журналом я получил еще две интересные вещи: Ваши изданные Гофманом и Кампе письма об Италии и Франции и первый выпуск выходящего в Лондоне политико-экономического обозрения Маркса¹⁴. Вы с правильным чутьем выделили из многочисленных драгоценных признаний испанского оратора самое драгоценное — его слова о милом родстве священника и солдата, в которых он видит двух близнецов, два основных столпа нашего «порядка», представителей двух дисциплинированных армий слепой веры; и еще более тонкое чутье обнаружили Вы тем, что обошли молчанием маленькую разницу между Вашим и его взглядом на славянское нашествие. — В качестве «доктора богословия», как Вы шуточно подписались, Вы имели также право прочесть небольшую нотацию французам по поводу их невежества и беспринципности в религиозно-философских вопросах — невежества, вынуждающего других и посейчас повторять им истины, которые уже не были новостью во времена Бэкона и Спинозы. Я однако, не будучи ни доктором богословия, ни доктором философии, радуюсь вместе с Гейне этому «провиденциальному невежеству» французов и прошу Вас не читать им больше религиозно-философских лекций во внимание к тем легкомысленным проделкам, которых французам предстоит еще выполнить не мало! Я со своей стороны обязуюсь за это не читать Вам больше скучных нотаций по поводу Вашей немецко-философской идеологии. Если Вы хотите узнать разницу между Вашим идеологическим и нашим реалистическим или, коли угодно, материалистическим пониманием истории, то сравните только Вашу оценку французской истории с июльской революцией 1830 г. до июньского боя 1848 г. и после, изображенную в Ваших по-

следних письмах, с марксовой оценкой того же исторического периода в первом выпуске его вышеупомянутого обозрения¹⁵. [Вы так же мало почувствуете себя обиженным, как и я, если я скажу, что манеру изложения Маркса я воспринимаю по сравнению с Вашей и моей, как неизгладимые письмена, выгравированные на бронзе железным резцом, тогда как нашу я сравнил бы самое большое с опрятным рисунком на веленовой бумаге. Жаль, невыразимо жаль, что этот бесспорно гениальнейший деятель нашей партии в своем самоощущении не довольствуется тем заслуженным признанием, которое воздают ему все, кто способен понять и оценить его достижения, но как будто требует еще и личного подчинения, до которого я, по крайней мере, не унижусь ни перед каким отдельным человеком!]* Если Вы хотите ближе познакомиться с отношением нашей партии к Прудону, то прочтите только французское сочинение Маркса против Прудона (*Misère de la Philosophie, Réponse à la Philosophie de la Misère de M. Proudhon par Karl Marx, Paris, Frank, 69, rue de Richelieu*). Я прошу Вас прочесть вещи Маркса, прежде чем составлять себе окончательное мнение о нашей партии. Прочтя эти вещи, которые, надо надеяться, еще можно будет достать в Париже у книгопродавца Франка, 69, rue de Richelieu, или где-нибудь в Брюсселе, Вы убедитесь, что учителя социализма находятся не в Германии, а там.

Я знаю, что только отчаявшиеся в европейской революции стали Вы утешаться Вашей славянской иллюзией. Как только события в Европе, во Франции, в Париже начнут складываться более благоприятно для революции, так славянская иллюзия отойдет у Вас на задний план, — но в самой-то европейской революции Вы так легко отчаиваетесь потому, что берете ее только, или во всяком случае главным образом, с ее идеологической стороны. По той же причине Вы восстаете вместе с Прудоном и с немецкими философами против «свободобийственного» коммунизма. Если бы Вы поняли коммунизм не как утопию, а с его политической стороны, как историческое движение, как пролетарскую революцию, как борьбу пролетариата за свое освобождение от господства буржуазии, как стремление рабочих избавиться от своих опекунов, от своих нынешних управителей, и взять управление своим трудом в собственные руки, — словом, если бы Вы поняли коммунизм как классовую борьбу, тогда бы Вы сумели оценить по достоинству известные фразы об уничтожении «личной свободы» и все прочие банальные упреки, все еще бросаемые с реальной или с идеологической точки зрения буржуазии по адресу и тех представителей пролетариата, которые уже давным-давно отказались от утопического коммунизма. Но, правда, для этого требуется совсем иная позиция, чем идеологически-критическая точка зрения немецкой философии. С той точки зрения Вам еще не раз придется во время развертывания европейской революции недоуменно взирать на ту уверенность, с какой Прудон преследует свою цель. Прудон, несмотря на его философское идолопоклонство, несмотря на все его усилия пересадить немецкую философию на французскую почву, все-таки слишком француз, он все-таки смотрит слишком практически на вещи, слишком хорошо чувствует реальные экономические отношения, чтобы потонуть в чистом философском тумане. Прудон еще слишком мало понимает немецкую философию и, к счастью, никогда не доберется до ее полного понимания. Прудон — представитель буржуазной анархии в ее последней фазе, представитель средней промышленной буржуазии, которая еще эксплуатируется в городах и в деревне крупными финансистами, банкирами и рантье. Если Прудон считает себя представителем подлинного народа, наемных рабочих и пролетариев, то это с его стороны простительная и весьма естественная иллюзия, ибо огромное

* Взятые в скобки слова, проливающие свет на личное отношение Гесса к Марксу, зачеркнуты в рукописи. (Примечание редактора немецкой публикации).

большинство французского народа принадлежит к представляемым им средним классам, и эти последние, чтобы избавиться от своих кровопийц, вынуждены идти вместе с пролетариатом, который в свою очередь сам по себе во Франции еще слишком слаб, слишком мало развит для самостоятельного революционного выступления. Но Прудон знает, что его устремления имеют под собой реальную базу, что за ним стоит свыше 20 миллионов французов и что достаточно ему уяснить им их положение, как его успех будет обеспечен. В этом тайна его силы и самоуверенности. Он ошибается лишь в том, что принимает последнюю фазу буржуазной революции за конечную цель всей нашей революции. В тот момент, когда представляемые Прудонем средние классы, соединившись с пролетариатом, которого он не представляет, одержать победу, в этот самый момент тем же ударом, который порвет последние оковы среднего буржуазного класса, последняя буржуазная революция будет превращена в пролетарскую, в революцию, по отношению к которой Февральская была только прелюдией, предвестием. За этой последней буржуазной революцией последует июньский бой не в пользу буржуазии, а в пользу пролетариата, и тогда роль Прудона будет сыграна, тогда он тоже начнет сомневаться и испуганно отступать. Но до тех пор его мощь и самоуверенность могут только усиливаться.—Если бы Вы были действительным сторонником прудоновской партии, если бы Вы подошли к ее устремлениям не только с их идеологической стороны, то Вы сейчас еще не могли бы так легко отчаяться в революции,—если бы Вы были действительным сторонником партии пролетариата, Вы не могли бы так легко отчаяться в ней и после.

6. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850 г., март]

Из беглых замечаний об англичанах в Вашем письме от 3 марта я вижу, что и Ваши взгляды на отношение Англии к европейской революции так же мало совпадают с моими, как взгляды Кортеса.—Связь, пишете Вы, соединяющая нас с нашим прошлым и настоящим, не всегда так слаба; этот «разрыв», симптом упадка и приближения «катализма», имеется не повсюду. «Англичане, например,—продолжаете Вы,—если исключить некоторые эксцентрические индивидуальности, держатся на уровне своей действительности. Они что-то продолжают, у них есть какое-то дело, правило поведения. Мы находимся в другом положении» и т. д.

Вы считаете положение в Англии более устойчивым, чем на континенте, вероятно потому, что Англия во время революционизирования континента от 1789 до 1850 г. продолжала свои «традиции» без всякого «разрыва». Экономическую революцию, т. е. ту форму, в которой Англия принимала до сих пор участие в движении нашего времени, Вы как идеолог не замечаете. Вы удивитесь, если я скажу, что не-иллюзорная, осуществимая часть того экономического идеала, к которому стремится Прудон и его могущественная сейчас партия во Франции, в Англии уже осуществлена, и что поэтому Англия ближе к пролетарской революции, чем континент, чем даже Франция. Но достаточно взглянуть на экономическую жизнь Англии и Франции, чтобы не найти в этом ничего странного и удивительного.

К чему стремится Прудон? К чему стремится Франция в экономическом отношении? К чему стремилась в этом отношении уже Февральская революция? Свергнуть класс рантье, уничтожить эксплуатацию средней промышленной буржуазии финансистами, так называемое «ростовщичество». Как же должна быть уничтожена, по господину Прудону, эта эксплуатация «человека человеком», т. е. промышленника крупным банкиром? Посредством сведения цены всех продуктов к стоимости их про-

изводства. Производители—«рабочие», как полагает Прудон,—должны получить возможность обменивать продукты на продукты без необходимости прибегать к монополизированному средству обмена, находящемуся в руках банкocrats, этих монополистов, которые требуют за свой кредит уплаты процентов и притом «ростовщических». С этой целью, а равно и по некоторым другим соображениям Прудон изобрел «народный банк».

Что так называемый «народный банк» может быть полезен после победы пролетариата, т. е. после того, как крупная промышленность будет централизована пролетарской государственной властью и будет вестись на ее счет,—этого я не оспариваю ни одной мизинутью. Но не с этой целью был он «изобретен» Прудоним. Прудон, буржуазный «анархист» и заклятый враг пролетарской государственной власти, воображает, наоборот, что он сможет осуществить свою «идею» на основе существующего буржуазного строя, только устранив с помощью все той же «идеи» «злоупотребления» этого строя.

Итак, если отбросить иллюзорную сторону прудоновской «идеи», то мы найдем, что в Англии она уже осуществлена—осуществлена без политической революции, осуществлена на основе существующего порядка, осуществлена последним экономическим развитием буржуазного способа производства, осуществлена одними лишь успехами современной буржуазной промышленности.

Поскольку прогресс промышленности сосредоточил в руках промышленной буржуазии довольно значительные капиталы, он уже понизил в Англии процентную ставку до минимума. Поскольку прогресс промышленности переместил центр тяжести общества, общественные средства к жизни и их производство из землевладения в промышленный капитал, постольку он прорвал монополии, связывающие промышленность и торговлю, реформировал в буржуазных интересах феодальное законодательство старой Англии, уничтожил хлебные законы, эту последнюю твердыню феодальных рантье,—словом, превратил политическую и экономическую зависимость буржуазной промышленности от феодального «ростовщичества», зависимость «хлопчатобумажного барона» от феодального барона в зависимость последнего от первого.—То, что Прудон выдвигает в качестве требований «социализма», социальной революции,—сведение товарных цен к стоимости производства, пропорциональность заработной платы рабочему времени, обмен продуктов на продукты, уничтожение государственной власти, армии и ростовщического процента на капитал, свобода и свободная торговля,—все эти революционные требования французских «социалистов» давно уже были консервативными требованиями английских экономистов, например Рикардо, и поскольку они были осуществлены, они привели не к воображаемому «равенству» французских «социалистов», а к образованию английского пролетариата. В этом отношении я должен еще раз рекомендовать Вам работу Маркса против Прудона, в которой все это изложено *in extenso* и с четкостью, не оставляющей места ни для каких сомнений. Правда, буржуазия всех стран издавна обольщалась гуманистическими иллюзиями насчет своих стремлений, но ни в одной стране настолько, как во Франции,—и Прудон является прежде всего классическим представителем иллюзий французской буржуазии. Прудон отождествляет производителя (руководителя труда) с непосредственным работником, что в условиях и при высоком уровне современного способа производства так же смешно, как отождествлять фабриканта с машиной. Прудон смешивает существующую еще во Франции классовую противоположность банкocrатии и промышленной буржуазии с классовой противоположностью буржуазии и пролетариата, до которой противоположности нашего антагонистического общества упростились только в Англии.

Я уже говорил Вам, что французские иллюзии—«провиденциальный» вздор. Политическая идеология французов более чревата последствиями, чем бесплодная немецкая идеология. Если эта последняя никого не в состоянии соблазнить, то первая выманивает «любезных слобожан», пролетариев, этот аванпост всякой революции, из их нор и превращает таким образом хроническую болезнь нашего буржуазного общества в острую. Если бы не это, с одной стороны, и если бы буржуазная промышленность не достигла уже в Англии последнего этапа своего развития—с другой, то я не сомневался бы ни одной секунды, что в результате последней буржуазной революции во Франции на континенте будут только «завоеваны» английские порядки. Но при фактически существующем положении в Европе французская революция может теперь привести уже не к английским порядкам на континенте, а только пролетарской революции в Англии—может осуществить не буржуазную мечту о всеобщем мире, а лишь пролетарскую надежду на всеобщую войну и всеобщее банкротство. Ближайшая французская революция должна будет превратиться в мировую революцию, потому что она вызовет мировую войну,—в революцию пролетарскую, потому что она поднимет английский пролетариат.—Может быть Вы сомневаетесь в этом результате?—До сих пор Ваша простодушная ошибка заключалась в том, что за лесом, за революцией, Вы не видели деревьев, из которых состоит лес. Неужели, учтя экономические отношения, составлявшие содержание нашей революции, Вы впадете в противоположную ошибку и за деревьями упустите из виду лес?

Бюджет Англии достиг в настоящий момент огромных размеров, приблизительно в 53 млн. ф. ст. Больше половины этой суммы требуется для покрытия одних лишь процентов по «национальному долгу». Чтобы избежать государственного банкротства, Англия должна поддерживать свое «национальное богатство» на его теперешней головокружительной высоте. А для этого она должна все больше и больше «мирно» эксплуатировать не только свой собственный пролетариат, но и все народы мира,—мировая война неизбежно должна вызвать национальное банкротство Англии, банкротство ее буржуазии, революцию ее пролетариата, мировое банкротство!

Так где же «учителя социализма», которых Донозо Кортес находит в Германии, а Вы видите во Франции или в России? Они не здесь и не там: «учителя социализма»—английские пролетарии.

7. ГЕСС — ГЕРЦЕНУ

[1850 г., март]

События в наше время несутся быстрее мысли, и может быть национальное банкротство Англии уже стучится в дверь, пока я рассуждаю о том, что оно наступит в результате новой французской революции и общеевропейской войны. Но я хочу сейчас вернуться к содержанию не последнего, а предпоследнего моего письма. Выказанные там мною соображения об отношении Прудона к революции уже сделались тривиальными благодаря одному событию последних дней. Я думал, что Прудон будет потерять свою революционную самоуверенность, как только новая революция во Франции увенчает победой его стремления. Я ошибся: он потерял ее уже после избирательной победы 10 марта¹⁶. Напиши Прудон свою «философию 10 марта»¹⁷ на несколько недель раньше, мне не пришлось бы делать выводы из его точки зрения, потому что эти выводы были бы уже фактом. Я, наоборот, привел бы в доказательство правильности моей оценки его позиции тот факт, что он начинает отступать еще до победы своих тенденций, между тем как его враги продолжают держать его под строгим арестом.

Вы наверное не впадете в ошибку тех демократов, которые объясняют страх этого «борца свободы» перед свободой его ренегатством. Ваша собственная точка зрения имеет слишком много общего с прудоновской, чтобы от Вас могла ускользнуть причина, заставляющая Прудона дрожать перед свободой в своей тюремной камере. Часто, когда Прудон говорит о коммунальном хозяйстве как об истинной базе истинной республики, о национальном представительстве, о свободе школы, печати и науки, наконец о «смерти», которую принесла бы нам с собой новая революция, мне кажется, что я слышу отзвуки Ваших собственных мыслей.

Вы скорее отказались бы от Вашей философии, чем от революции, тем более, что экономическая подоплека Вашей философии еще не осознана Вами. Другое дело Прудон, этот мелкий буржуа до мозга костей, революционные иллюзии которого тотчас же исчезают перед лицом действительной революции. Как все вольнолюбивые герои этого героического класса, он трепещет перед одною тенью революции, которую сам же вызывает. К счастью, все его попятные шаги ни к чему не приведут во Франции. Французы не поступятся своими революционными резолюциями ради каких-то философских аргументов; что они в этом отношении раз вбили себе в голову, того они добьются на деле.

«Смерть», которую Прудон предвидит в результате демократическо-социалистической революции, есть смерть представляемого им класса и прежде всего смерть его самого как социалистического демократа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемые письма М. Гесса и А. Герцена хранятся в архиве германской социал-демократии и впервые напечатаны в книге Ирмы Готэйн, Проблемы общества и государства у Моисея Гесса (Irma Gotein, Probleme der Gesellschaft u. des Staates bei Moses Hess) Лейпциг, 1931 г. — Письма Гесса, представляющие собой черновики его писем Герцену, написаны по-немецки. Письма Герцена, за исключением десятка немецких строк — по-французски. Перевод — И. Б. Румера.

Одно письмо Герцена к М. Гессу от 29 мая 1854 г., посвященное истории его разрыва с Н. И. Сазоновым, опубликовано в работе Д. Рязанова «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» («Очерки по истории марксизма», 1928 г., т. II, стр. 56—57).

¹ Герцен имеет в виду стихотворение Байрона «Darkness» («Тьма»), в котором Байрон дает картину гибели мира.

² Готшалк (1815—1849) — член Союза коммунистов, председатель Кельнского рабочего союза в 1848 г. Умер 8 сентября 1849 г.

³ Герцен имеет в виду демонстрацию 13 июня 1849 г. в Париже, в которой наглядно проявилась слабость мелкобуржуазной демократии и ее вождей. См. оценку этого выступления в «18 Брюмера Луи-Бонапарта» К. Маркса и в «Былом и думах» Герцена.

⁴ Гесс здесь и в дальнейшем имеет в виду ту беседу-полемику, в форме которой изложены некоторые главы «С того берега».

⁵ Клоотс, Жан-Батист (1755—1794) — деятель Великой французской революции, известный под кличкой «Оратора рода человеческого». Был пылотинирован в 1794 г. В «С того берега» Герцен писал, что «голова атеиста Клоотса, пожертвованная пред-рассудку, лежала в ногах Робеспьера как улика».

⁶ В «С того берега» Герцен говорит о «светлом познании и покойной мысли» Гете.

⁷ Барбес (1809—1870) — французский революционный демократ.

⁸ Христианский мученик эпохи Диоклетиана.

⁹ Древнегреческий философ-скептик.

¹⁰ Греческий сатирик II века нашей эры.

¹¹ «С того берега».

¹² Речь идет о предыдущем письме Гесса.

¹³ Герцен имеет в виду свою статью «Доносо Кортес, маркиз Вальдемагас и Юлиан, император римский», которая, начиная со второго русского издания «С того берега», вошла в это произведение в качестве его VII главы. Доносо Кортес (1809—1853) — испанский политический деятель, реакционер.

¹⁴ Гесс имеет в виду «Новую Рейнскую Газету».

¹⁵ Гесс сравнивает начало первой главы «Классовой борьбы во Франции 1848—1850» Маркса с одно из «Писем из Франции и Италии» (по изд. Лемке, т. VI, стр. 63—65).

¹⁶ По выражению Карла Маркса, на французских выборах 10 марта 1850 г. «наперекор всем усилиям противников победили социалистические кандидаты».

¹⁷ Так называлась статья Прудона.

1 Mai 1861 Orsk Home
Westbourne Terrace
London

Cher Général,

Un de mes amis, un de
nos glorieux Citoyens les
plus distingués Jean Turgue
neff - desiré avoir l'honneur
de vous être présent. Il va
directement en Russie - on le
journes vous adresse et le plus
le journées militaire. Quelle
immense malheur que l'en
pèreur Alex. s'en occupe
et songe - les affaires allaient
être vous parfaitement bien
- Com. deux ans (dans l'été 63
mars de 1863) l'affaire de l'Union
Cipation - devrait être finie
et nous entrions dans une sa
nécessaire, - de réformes sociale

C'est un bien grand malheur
 de l'autre côté que les Polonais
 n'ont pas attendu les deux amis.
 Maintenant toute tergiversa-
 tion serait criminelle et
 vous avez vu - dans ma réponse,
 et dans mes articles que nous
 nous sommes déclarés - catégori-
 quement - contre l'absolutisme
 massacreur et pour la Pologne
 je ne dois pas pourquoï l'Unité
 fait des reproches - aux Polonais
 d'être restés passifs. Mais
 la Pologne toute isolée, entourée
 de Prussiens et de Autrichiens
 que pouvons être faire.
 Elle a immensément gagné
 par son attitude.

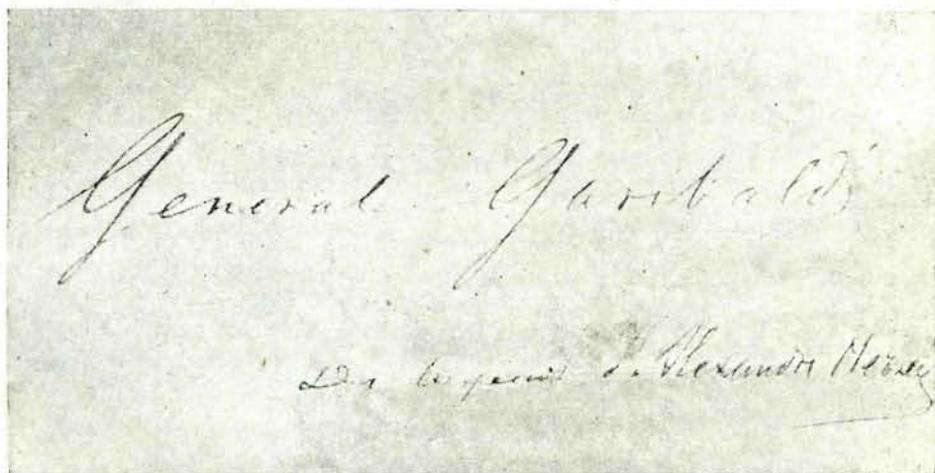
Pardonnez, Cher Général, que
 je vous prends tant de temps.
 Encore une fois je vous remercie
 de tout et vous serre la main
 Votre dévoué
 A. S. G. Merz.

V.

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Публикуемое письмо сохранилось в альбоме Александры Ивановны Васильчиковой, рожд. Архаровой (1795—1855). А. И. Васильчикова собирала в этот альбом автографы как знаменитых современников, так и исторических деятелей прошлого. После ее смерти дочь ее, Е. А. Черкасская, жена известного деятеля по «освобождению» крестьян и реакционера В. А. Черкаского, продолжала это собрание; затем альбом долго хранился под спудом у наследниц Черкасской и лишь недавно обнаружен среди семейной переписки и старых деловых бумаг.

Супруги Черкасские были близки с И. С. Тургеневым (несколько писем его сохранилось в альбоме). Очевидно от него получила владелица альбома публикуемое письмо А. И. Герцена к Гарибальди. Это письмо было переслано Тургеневу Герценом для вручения Гарибальди; но Тургенев с последним не познакомился, письмо осталось у него на руках и попало в коллекцию Черкасской.

НАДПИСЬ НА КОНВЕРТЕ ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА К ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ
ОТ 1 МАЯ 1861 г.

Собрание А. С. Голицыной, Дмитров

В марте 1861 г. произошли в Варшаве беспорядки, вызвавшие вооруженные столкновения русских войск и полиции с демонстрантами, в результате чего оказалось несколько убитых. Гарибальди отозвался на это событие открытым письмом к Герцену, датированным 13 апреля 1861 г. и напечатанным в № 104 итальянского журнала «Il Diritto» («Право»). Гарибальди писал здесь: «Пусть ваш журнал, справедливо оцененный в России, передаст слово сочувствия от народа итальянского несчастной и героической Польше и слово благодарности храбрым воинам русским, которые, как Попов, сломали свою саблю, чтоб не обогреть ее в крови народа; передайте с тем вместе крик негодования народов европейских против виновника гнусной бойни».

На это письмо Герцен отозвался сначала открытым письмом к издателю «The Daily News» (от 16 апреля), в котором упомянул о выступлении Гарибальди, а в № 97 «Колокола», вышедшем 1 мая, перепечатал письмо Гарибальди полностью и тут же поместил свой ответ на него (Герцен. Полное собр. соч. под ред. Лемке, т. XI, стр. 79, 84 сл. Здесь же полностью текст письма Гарибальди).

Публикуемое письмо любопытно и для характеристики либеральных надежд Герцена на Александра II, и для понимания тех условий и обстоятельств, при которых постепенно складывалась позиция Герцена по отношению к национально-революционной борьбе в Польше.

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ
 Фотография 1860-х гг.
 Музей Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

1 Mai 1861 Orsetthouse
 Westbournterasse, London

Cher Général,

Un de mes amis, une de nos gloires littéraires les plus distinguées Jean Tourgeneff — désire avoir l'honneur de Vous être présenté. Il va directement en Russie—ou la jeunesse Vous adore et des plus la jeunesse militaire. Quelle immense malheur que l'Empereur Alex. s'est couvert de sang. Les affaires allaient chez nous parfaitement bien—dans deux ans (s'est à dire le 3 mars de 1863) l'affaire l'emancipation—devrait être finie—et nous entrons dans une série nécessaire—de reformes sociales.

C'est un bien grand malheur de l'autre coté que les Polonais n'ont pas attendu les deux années.

Maintenant toute tergiversation serait criminelle et Vous avez vu — dans ma réponse et dans mes articles, que nous nous sommes déclarés — catégoriquement — contre l'absolutisme massacreux et pour la Pologne. Je ne sais pas pourquoi l'Unité tait des reproches — aux Polonais d'être restés passifs. Mais la Pologne toute isolée, entourée—des Prussiens et des Autrichiens—que pouvait elle faire? Elle a immensément gagné par son attitude.

Pardon, cher Général, que je Vous prend tant de temps. Encore une fois je Vous recommand mon ami et Vous serre la main.

Tout à Vous

Alex. Herzen.

На обороте: Général Garibaldi
 De la part d'Alexandre Herzen

Перевод:

1 мая 1861 г. Орсеттгоус.
Уестборнтерасс. Лондон.

Дорогой генерал,

Один из моих друзей и одна из наших наиболее выдающихся литературных знаменитостей, Иван Тургенев, желал бы иметь честь быть вам представленным. Он едет прямо в Россию, где молодежь вас боготворит, и более всего — молодежь военная¹. Какое ужасное несчастье, что император Александр обагрил себя кровью. Дела шли у нас превосходно, через два года (т. е. 3 марта 1863 г.) дело освобождения крестьян должно было закончиться, и мы вступали бы в неизбежный ряд социальных реформ. А с другой стороны, большое несчастье, что поляки не выжидали этих двух лет.

Теперь всякое колебание было бы преступно, и вы видели в моем ответе и в моих статьях, что мы решительно объявили себя против истребительного абсолютизма и за Польшу. Не знаю, почему «Unita» делает упреки полякам в том, что они остались пассивными. Но что могла сделать Польша, совершенно изолированная, окруженная пруссаками и австрийцами? Своим поведением она выиграла бесконечно много.

Простите, дорогой генерал, что отнимаю у вас столько времени. Еще раз рекомендую вам моего друга и жму вам руку.

Весь ваш Алекс. Герцен.

На обороте:

Генералу Гарибальди. От Александра Герцена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одновременно с письмом к Гарибальди Герцен написал в Париж Тургеневу: «Вот тебе письмо к Гарибальди. Досадно, что ты едешь, не захав сюда [т. е. в Лондон]. Видно нам России еще долго не видать. Кровь в Варшаве страшно изгадила все. Я запечатал письмо к Гарибальди для того, что стыдно признаться, как я тебя окомпламентовал» (Сочинения Герцена, под ред. М. К. Лемке, т. XI, стр. 80—81. Письмо от 30 апреля 1861 г.).